

*“Времена были
нескучные!..”*

1 том

Наталья Талина

18+

Наталья Галина

**"Времена были
нескучные!.." 1 том**

«Автор»

2020

Галина Н.

"Времена были нескучные!.." 1 том / Н. Галина — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04545-3

Авторами книги являются Галина Фирсова и Наталья Змушко, объединившиеся под псевдонимом Наталья Галина. В основе повествования история жизни баронессы Ульрики Поссе, бабушки Наталии Николаевны Гончаровой. Российские монархи и их окружение, мятежный Кавказ и турецкие войны, Таврида и Новороссия, жизнь турецкого гарема и фрейлин императорского двора. Увлекательный сюжет, полный тайн и интриг, не оставит равнодушным читателя этого историко-авантюрного романа.

ISBN 978-5-532-04545-3

© Галина Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	6
От автора	7
Пролог	9
Часть 1 Дерпт	11
Глава 1	11
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	40
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Посвящается Сергею Николаевичу Саттарову – яркой личности, замечательному человеку, без которого не было бы этой книги

Предисловие

Авторами этой книги являются две женщины, Наталья Сергеевна Змушко и Галина Николаевна Фирсова, объединившиеся под псевдонимом Наталья Галина. Галина Николаевна – преподаватель русского языка и литературы. Наталья Сергеевна – преподаватель истории. Более 30-ти лет их дружбе.

В основе повествования удивительная история жизни Ульрики Поссе, бабушки Наталии Николаевны Гончаровой – жены прославленного Пушкина. К сожалению, далеко не всем известна судьба баронессы Поссе. Также мало известны читателям детские и юные годы красавицы-дочки Ульрики – Натальи Ивановны Загряжской, фрейлины императорского двора, матери Наталии Николаевны. Когда речь заходит о ней, вспоминают чаще её сложный характер, то, как она пристраивала дочек-бесприданниц и была в весьма натянутых отношениях с зятем, Александром Пушкиным. Эта книга позволяет восполнить пробелы в знаниях и глубоко погрузиться в перипетии жизни этих женщин.

Всё повествование идёт на фоне картин конца XVIII-начала XIX века. В романе представлены живые портреты российских монархов и их окружения: Екатерина II и Григорий Потёмкин; Павел I и императрица Мария Фёдоровна; Александр I с его метаниями в поиске смысла жизни, череда несчастий его жены, редкой красавицы и умницы императрицы Елизаветы Алексеевны, и продолжающая жить до нашего времени легенда об их жизни после официальной смерти. Лифляндия и высший свет Петербурга, интриги масонов и тайная деятельность осведомительницы императрицы Екатерины II, мятежный Кавказ и турецкие войны, Таврида и Новороссия. Тамбовский губернатор, великий поэт России Гаврила Романович Державин, и чуть было не состоявшаяся дуэль между ним и Иваном Александровичем Загряжским, дедом Наталии Николаевны Гончаровой. Юношеская влюблённость лицеиста Саши Пушкина в императрицу Елизавету Алексеевну и его стихи к ней. Жизнь турецкого гарема и фрейлин императорского двора в Петербурге. Всё это найдёт читатель на страницах романа.

От автора

Хочу выразить огромную признательность людям, которые на протяжении шести лет поддерживали, вдохновляли, наполняли автора верой в достижение конечного результата. Благодарю Сергея Николаевича Саттарова, давшего импульс к написанию этого произведения, сразу безоговорочно поверившего в творческие силы автора и на протяжении всех лет не усомнившегося в том, что книга будет написана. Благодарю Владимира Николаевича Ряховского, подавшего идею названия данного романа, за его дружеское расположение и поддержку. Благодарю Владимира Владимировича Михайлова за потрясающее умение радоваться творчеству своих учеников, помогающее ощутить уверенность в своих силах и придающее позитивный настрой.

Особую благодарность выражаю члену Российского союза писателей Вячеславу Георгиевичу Девяткину, который с точки зрения профессионала вынес суждение о романе, а его замечания помогли автору ещё детальнее погрузиться в отдельные моменты повествования. Чуткость же и деликатность, а также добрые напутствия поддержали и вдохновили.

Около шести лет назад драматические коллизии истории любви людей, живших в далёком XVIII веке, тронули сердце автора, предстали перед его мысленным взором и уже не отпустили до тех пор, пока не были изложены на листах бумаги, дабы дать возможность читателям познакомиться с жизнью и деяниями наших далёких предков, ощутить колорит той эпохи и испытать такую же сильную привязанность к героям этого романа, какая владела автором, на протяжении всего времени написания этой книги.

Любовь, бушующие страсти, заговоры и предательства, подвиги во славу Отечества, жизнь простого народа, дворян, государственных деятелей, монарших семейств – всем этим вдоволь наполнено повествование этого романа. От правления Екатерины II до царствования Александра I – таков временной размах этой саги. А на фоне интереснейших исторических событий российской и мировой истории развёртывается частная жизнь нескольких поколений семейств, по глубине переживаний и драматизму ситуаций ничуть не уступающая тем событиям, которые потрясли государства Европы и, в целом, всего мира.

Не раскрывая замысла произведения, автор только хочет сказать о том, что история, начавшаяся в Дерпте во второй половине XVIII века, пустившая там крепкие корни, затронула многие события военной и культурной жизни России, в частности, и Европы, в целом, прошла через поколения потомков главных героев, дотянулась своими ветвями до нашего времени и, несомненно, будет продолжать волновать сердца читателей и в будущем.

Рядом с героями, прототипы которых существовали и, действительно, прошли через испытания, описанные в книге, автор создал и героев, которых ему помог воплотить на бумаге полёт его фантазии, вдохновлённой свыше. Эти рождённые воображением автора герои органично встали рядом с персонажами, имеющими прототипами живших в далёкую эпоху людей, и дороги автору не менее чем герои – реальные когда-то люди. Автор полностью погрузился в описываемую эпоху, жил в ней, дышал одним воздухом со своими героями, страдал с ними, когда страдали они, радовался их счастьем и горько плакал, расставаясь с ними, когда они покидали этот бранный мир.

Автор старательно изучал документы, воспоминания современников, дошедшие до нас исторические материалы. Но, с сожалением, пришёл к выводу, что слишком мало сохранилось таковых, имеющих непосредственное отношение к хитросплетениям, ставшим основой сюжета данной книги, и позволил себе воображением дорисовать отсутствующие в архивах факты, тем более что данная книга не исторически достоверный трактат, а художественное произведение, в основе которого всегда положен замысел писателя.

Автор хорошо понимает подоплёку процесса написания текста данного произведения. Он знает, что явился только посредником между Источником, даровавшим ему возможность

изложить текст, и читателем. Автор отчётливо ощущал это и несказанно благодарен Богу за счастье – приложить и свои малые силы, получив разрешение на некое сотворчество.

Дорогие читатели, автор отдаёт в ваши руки любимое рождённое им дитя в надежде, что вы получите удовольствие, прочитав этот роман, его герои станут вам также дороги и близки, как и автору, и каждый из вас найдёт на страницах этой книги то, что затронет его сердце и останется в нём навсегда. Вдохновенного вам чтения! Наталья Галина

Пролог

Вся наша жизнь – лишь две коротких даты.

Их высекут, чтоб мир нас не забыл.

Так дай нам, Бог, не пожалеть когда-то

О том пути, что пройден нами был.

А. Дмитриева-Костина

«Снова она... Третий день не отстаёт... Надоела, бестия... Девчонка совсем, волосы спутанные, глаза горят... Как есть ведьма... Что там она говорила о судьбе? Будто выбор у каждого есть. Да что это я, в самом деле? Видно, и впрямь достала. Гнать ее, гнать немедленно. Мне ли, любимцу всемогущего Потемкина, блестящему драгуну, отчаянному храбрецу, не справиться с какой-то оборванной цыганкой?»

– Прочь пошла! Сколько можно! Ничего ты от меня не получишь! Сказал – не хочу ничего знать о будущем! Отстань, наконец! Караулишь ты меня что ли? Третий день: только на улицу выйду, тут и ты.

– А ты не беги от меня, барин, от меня как от судьбы не убежать. Или боишься чего? Я ведь только скажу, что должна, и не увидишь меня больше, будто и не было вовсе.

– Мне ли бояться, боевому офицеру? Живу, как живется, ни о чем думать не хочу. А тут ты со своими предсказаниями. Мне это нужно?

– Нужно хороший, нужно брильянтовый. И мне нужно. Только не денег, ну, если только малость какую дашь, так не откажется бедная цыганочка. Другой у меня интерес: как будто сила какая меня посылает, пока все тебе не скажу, не будет мне покоя. Так что никуда тебе от меня не деться. Придётся выслушать, яхонтовый.

– Не верю я рассказам цыганских попрошаек. Лишь чтобы не видеть тебя больше, готов послушать твой бред. Говори скорее и прочь с глаз моих.

– Скорый ты больно, барин. На все скорый: от широты души беспредельной до холодного бессердечия.

– О чем ты? Не смей так говорить! Что знать про меня можешь?

– Это ты сейчас молчи да слушай, что я говорю. Может, это совесть твоя сегодня глаза тебе и сердце открыть хочет. Отчаянный ты человек, барин, храбрый до безрассудства, щедрый до беспредела, друзья тебя любят за это, да еще за разгульную твою жизнь. Никого ты не боишься: ни Бога, ни чёрта. Если что захочешь, через всё и всех переступишь, чтобы твоим было. Никаких преград не признаёшь. Думаешь, жизнь твоя от этого через край полна? Ошибаешься, яхонтовый. Пустой ты, а сердце твое каменное. Никого ты не любишь, кроме себя, даже щедрость твоя друзьям показная. Ценишь только себя, ни о ком твое сердце не страдает, не болит. Много горя ты принесешь тем, кто любит тебя преданно. Стоишь ты сейчас на самом краю добра и зла, удержишься от зла – себя спасёшь, родных, близких, детей и весь свой род в будущем, не удержишься, зло и через поколения аукнется. Ты того уже и знать не будешь, а зло, тобой возвращённое, многим жизнь искалечит. Тебе выбирать, по какому пути идти. Да только не верится мне, что справишься ты со своей натурой: желания твои все добрые помыслы собой затмят. Холодно мне от тебя. Прощай! И денег твоих не хочу.

«Господи! Свят, свят, свят! Да где же она?! Только что передо мной стояла. Как сквозь землю провалилась... Да была ли она? Все Иван, пора прекращать такие загулы, как вчера, а не то и ещё что-нибудь пригрезится. Добро, зло, выбор. Какая скука...»

И занесло же тебя полковник Загрязский в Лифляндию. То ли дело Петербург. Вот уж где погулял, так погулял! Думаю, меня там многие помнят: и друзья-драгуны, и прелестные дамы. О, дамы! О, дуэли из-за этих самых очаровательниц с их мужьями, женихами и благо-

родными папашами. Сколько их было, уж и не вспомню сейчас: и дам, и дуэлей. Да что это ты право, Иван Александрович, скис совсем. Радуйся: сражения прошёл и жив. И хоть двинут с полком к прусской границе, но не в глухомань же отправлен, а в Дерпт. А в Дерпте ждут балы, томные взгляды лифляндских дам и стреляющие глазки их кокетливых юных дочек, и новые загульные пирушки. Вперед, полковник Иван Александрович Загряжский, к новым заманчивым приключениям!»

Часть 1 Дерпт

*Сердце, сердце, что случилось,
Что смутило жизнь твою?
Жизнью новой ты забилошь,
Я тебя не узнаю...
Беспредельной, мощной силой
Этой юной красоты,
Этой женственностью милой
Пленено отселе ты.
Иоганн Гёте*

Глава 1

Луч солнца пробился сквозь кисейный занавес, скользнул по клавишам и отразился в высоких зеркалах. За клавишами на стене парадный портрет супружеской пары: справа высокий худощавый мужчина в форме ротмистра русской кавалерии, а рядом – нет, не женщина – дивное неземное существо, ангел с огромными сияющими тёмными глазами. Совершеннейшая красота: дивные утонченные черты лица, нежный гибкий стан, изумительная форма плеч и рук. Совсем юная, лет семнадцать. Откуда же тогда такая печаль в глазах, будто ведома ей тайна всей её жизни, будто видит она впереди такую бездну несчастий, что сжимается сердце и хочется закрыть, уберечь эту редкую трепетную красоту от горя, бед и разочарований.

Приоткрылась дверь в зал, и легкой бесшумной тенью скользнула героиня портрета. Ангел сошёл с полотна, оказавшись юной девятнадцатилетней женщиной. Быстро огляделась по сторонам, накинула редингот, набросила на голову кашемировую шаль, тихонько отворила входную дверь и сбегала по ступенькам. Обогнув угол дома, перевела дух и медленно пошла по аллее сада. Последуем же за ней, дорогой читатель, попробуем понять: какие же мысли теснятся в этой дивной головке в столь раннее утро.

Гул осеннего леса словно говорит о бренности бытия. Деревья покрыты разноцветным убором: жёлтые листья берёз, всевозможные оттенки от оранжевого до красного кленов, орешника, осин. Еще совсем немного и трепещущие листья опадут, усыпав влажную землю и прикрыв узловатые корни. Они прожили свою короткую жизнь, одарили красотой этот мир и теперь тихо умирают, всё ещё прекрасные в своём осеннем уборе. Какие дивные трели раздавались из их ветвей! Сколько слов любви и нежности прозвучало под их кронами! Какой восторг рождался в душах тех, кто любовался их нежной прелестью, вслушивался в шёпот их ветвей. Теперь деревья готовятся к зиме, чтобы пережить стужу и холод, и, встрепенувшись весной, дать жизнь новому поколению листвы. Только многолетние вечнозелёные ели, как мудрые, всё знающие старики смотрят на круговорот жизни и молчат, загадочные в своём величии.

А мы по-прежнему следуем за нашей героиней. Неожиданно за деревьями открылась светлая поляна, в лучах холодного осеннего солнца предстало семейное кладбище: склепы, надгробия, небольшая могила со скорбящим ангелом. Вот где предаётся своему отчаянию молодая мать. Короткая надпись:

«Здесь покоится прах Карла Густава фон Поссе
10.XII.1778 – 13.XII.1778»

Подобно стройной берёзке подарила юная женщина жизнь своему нежному листочку, но суждено было ему прожить всего три дня, а боль утраты не утихает и почти два года спустя после трагедии. Будем деликатны, оставим на время нашу героиню наедине с её печальными мыслями и вернёмся в пробуждающийся к своим дневным делам и заботам дом.

Глава 2

Вот и он: прелестный господский дом в классическом стиле с обязательными колоннами у входа, с портиком над ними и высокими светлыми окнами по бокам. Засуетилась прислуга, забежали молоденькие горничные, с кухни потянулись привлекательные запахи. В столовую вошел молодой хозяин усадьбы барон Мориц фон Поссе.

– Где баронесса? – обратился он к прислуге, сервировавшей стол.

– Не знаю, Ваша светлость, – испуганно ответила девушка.

Барон нервно сел за стол. Тихо, почти бесшумно, с отсутствующим выражением лица в столовую вошла наша героиня и тоже присела к столу. Мгновенно в комнате появились слуги, и утренняя трапеза началась.

– Дорогая, нельзя же так, – раздражённо сказал супруг, – я делаю всё, что могу, чтобы помочь Вам, но мои силы не беспредельны. Вы думаете, я каменный, бесчувственный? У меня тоже есть сердце, я не меньше Вас скорблю о случившемся, но жизнь идет вперед. Тридцатого сентября Иоганне год исполнился, о ней подумайте. Вы с дочерью словно чужая: ни нежности, ни ласки, ни любви. Сын на небесах, но она-то здесь, с нами, она живая. О себе уже вообще не говорю, ко мне такой холод и равнодушие, что сердце болит. Опомнитесь, Вы нам нужны, Ульрика!

Не притронувшись к еде, не ответив ни слова, баронесса встала и направилась прочь из комнаты.

– Ульрика, вернитесь!

Полный отчаяния, с выражением беспомощности на лице и наворачнувшимися на глаза слезами барон застыл в своём горе.

* * *

«Господи, как хочется рыдать, ну почему нет слёз? Постыло всё: и этот ненавистный дом, и муж со своими нравоучениями и любовью, даже дочь, и та вызывает только тоску и отторжение. Почему сердце застыло? Нет сил жить! Хочу покоя и тишины и никого не видеть! Неужели в этом доме еще два года назад я верила, что буду счастлива, буду любить и буду любима? Все исчезло, всё оказалось миражом... Как жить дальше? Никто меня не понимает. Отец, любимый отец, и тот смотрит сурово и осуждающе. А ведь я и не жила совсем, ничего не успела ни увидеть, ни понять в жизни. Из любящего родительского дома сразу замуж, то ли любила Морица, то ли придумала любовь. Блестящий офицер, в родне героиня, замечательная партия, все завидовали, сама себе завидовала. Всё сломалось в один день, в один страшный день. Как ждали ребенка! Уверены были, что родится мальчик, даже имя заранее дали в честь будущего любимого дедушки. Ах, не надо было заранее, плохая примета! И вдруг – преждевременные роды, три дня – и сказка закончилась... Тоска... Тоска...»

* * *

Барон еще сидел в задумчивости, как доложили о приезде тестя, Карла Густава фон Липхарта.

– Проводите в библиотеку, – распорядился молодой хозяин.

Липхарт нервно ходил по комнате.

– Рад видеть Вас в добром здравии, – приветствовал тестя барон.

– Какое уж тут доброе здравие, – сварливо ответил тот, – когда у вас тут непонятно что в доме творится. В каком состоянии Еувфрозиния Ульрика? Понимаю, сам виноват, вырастили дочь в тепличных условиях. Первая беда – и сразу сломалась. Но Вы, Вы же муж, неужели Вы не можете объяснить ей, что есть супружеские и материнские обязанности, обязанности хозяйки дома, долг перед близкими, наконец? Вся родня недоумевает, я устал от всех отбиваться и что-то объяснять и доказывать. Я Вам вручил свою дочь, барон, будьте любезны повлиять на

ситуацию. Вы отвечаете за неё перед Богом. Я тоже с Вас спрошу. Скажите мне, что Вы собираетесь предпринять?

– Поверьте мне, я делаю всё возможное и невозможное. Я не знаю, как быть дальше. Посоветуйте, я приму любой совет. Она Вас безгранично любит и уважает, может, Вы достигнете до её сердца.

– Вы поражаете меня, барон. Вы рассуждаете не как глава семейства, а как нервическая девица. Сделайте хоть что-нибудь. В Дерпте в ближайшее время будут расквартированы драгуны, приехавшие на очередную ярмарку. Среди них много известных личностей. Один только любимец Потемкина Иван Загряжский чего стоит. В честь их приезда будут даны балы и карнавалы. Забирайте Ульрику, вывозите её в свет, посещайте все увеселительные мероприятия. Новые впечатления, новые знакомства, новые эмоции! Даст Бог – воспрянет. В данной ситуации любое действие хорошо.

– Я готов на что угодно, лишь бы помогло, а вдруг она не захочет?

– Вы хотите сказать, что вы, боевой офицер, не в состоянии заставить подчиниться собственную жену?! Я начинаю жалеть, что отдал Вам свою дочь.

– Я выполню Ваш совет, что бы мне это ни стоило.

– Ну, вот и действуйте. Пригласите-ка её ко мне сюда. Я попробую с ней поговорить конфиденциально.

Барон в сильном смущении вышел, и через некоторое время в комнату вошла Ульрика.

Отец пристально посмотрел на нее.

– Ну, здравствуйте, чем порадуете своего старого отца?

Ульрика как во сне подошла к фон Липхарту и поцеловала его:

– Здравствуйте, отец, простите меня, я знаю, что огорчаю Вас, но, если бы Вы знали, как мне тяжело и одиноко.

– Вы и впрямь огорчаете меня. Вы отгородилась от всех и, кроме себя самой, не думаете ни о ком. Не думал я, что в моей семье вырастет такая эгоистка. С самого рождения всегда всё самое лучшее предназначалось Вам. Как же, такая красавица уродилась всем на диво! Вот и вырастил... Хорошо, хоть покойная мать не видит Вашего поведения.

– Отец, не добивайте меня своими словами! Никто не знает моих мучений. Всегда была послушна Вам во всем. Вы для меня были и есть в этой жизни самым близким, самым родным и дорогим человеком. Помогите мне, я словно застыла, жить не хочу, и умереть не могу.

– Помогу, помогу, моя дорогая. На Рождество приезжает наша родня: Барклай де Толли с женой, Ваши тетушки – фрейлины императрицы, глядишь, сам Потемкин нагрянёт, а уж его кавалергарды так непременно. Начнутся балы, маскарады, ярмарки ежегодные, дам и я бал в своем доме, в Вашем родном доме, моя дорогая, где Вы были нашей любимицей, где Вы были счастливы. Думаю, самый первый бал-маскарад в нашем имении и будет. Поездите на балы, по гостям, глядишь и развеетесь. Нечего себя хоронить в девятнадцать лет, вся жизнь впереди, а стены родного дома, где выросли, помогут прийти в себя. И не возражайте мне, не смотрите на меня с таким отчаянием, другой помощи от меня не ждите, пора уже не назад оглядываться, а жить реальной жизнью. Хочу видеть Вас, Еувфрозиния, с сияющими глазами. Да! Даже и Рождества ждать не стану. Через неделю будет бал. Я так решил!

– Ах, дорогой отец, я даже подумать не могу о том, что Вы говорите.

– Можете думать, можете не думать, а исполнять извольте. Такова моя воля.

– Хорошо, отец. Нет у меня никакого желания веселиться, но приказание Ваше для меня закон.

– Вот и отлично! Пора мне, граф Эссен деловую встречу назначил, но сначала хочу повидать моего маленького ангела, мою дорогую Иоганну.

Ничто не дрогнуло в лице баронессы, как бесплотная тень она покинула комнату, и через несколько минут вернулась в сопровождении молоденькой няни, держащей на руках очарова-

тельную малышку. Никто бы не усомнился в родстве между баронессой и этой крошкой: те же благородные точеные черты, тот же овал лица.

– Эрика, опусти ребенка на пол.

Неверными шажками, балансируя крошечными ручками, лучезарно улыбаясь, Иоганна Вильгельмина потопала к деду, умилению которого не было предела. Счастье, беспредельное счастье выражало его лицо. Карл Густав поднял свое сокровище на руки и повернулся к дочери, бережно прижимая внучку к груди. Холодный, отстраненный взгляд дочери, устремленный на маленькую Иоганну, потешно пытающуюся ухватить деда за усы, был подобен ушату ледяной воды. Ощущение счастья покинуло его.

– Вы гуляли с ней сегодня, Ульрика?

– Нет, – ответила баронесса, – не беспокойтесь, с ней есть, кому гулять, Эрика позаботится.

– Никто не заменит ребенку мать, я хочу, чтобы Вы уделяли дочери больше внимания, нет большего огорчения для отца, чем видеть свою дочь матерью-кукушкой. Вы хорошо поняли меня, Еувфрозиния Ульрика? Берите пример со своей покойной матери.

– Я поняла Вас отец, я буду проводить с Иоганной больше времени.

– Надеюсь. И вот еще что: не забывайте, что Ваш супруг – Ваш господин перед Богом, Ваша обязанность подчиняться ему во всем и быть помощницей, а не огорчать и заставлять страдать. Не позорьте наш род, не заставляйте меня краснеть от стыда за то, что я не научил свою дочь элементарным вещам. И повторяю: через неделю – бал! И чтобы я видел Вас такой, какой привык видеть в стенах нашего дома: улыбающейся и энергичной! И не забудьте о танцах! Хватит себя хоронить заживо!

Фон Липхарт бережно передал внучку няне, поцеловал дочь в лоб и быстро вышел из комнаты.

Ульрика подошла к ребенку, долгим внимательным взглядом посмотрела на малышку, погладила ее по головке и, также молча, покинула комнату. Эрика некоторое время в недоумении стояла с девочкой на руках, затем медленно пошла в детскую.

Глава 3

Такие дни осенью – редкость. Голубое небо в легкой дымке из облаков, сквозь которые робко проглядывает солнышко. Неожиданно дымка, застилающая небеса, исчезла, и окрестности озарились ослепительным блеском солнца: и аккуратные домики с красными крышами, и узкие улочки, и теряющие последнюю листву деревья и кустарники, и хорошенький парк в центре города, так любимый всеми жителями Дерпта.

По аллеям парка чинно прогуливаются немолодые супружеские пары, снисходительно поглядывая на юных девушек, совершающих дневной променад в сопровождении всевозможных матрон и матушек. Юные создания, изо всех сил стараясь продемонстрировать абсолютную незаинтересованность, в то же время кокетливо и лукаво стреляют глазками в сторону проходящих молодых людей. А если в поле их зрения возникают военные... Ах, на какие только ухищрения не идут эти молодые особы, чтобы обратить на себя внимание и в то же время выказать холодность. Здесь же и няни, выгуливающие своих питомцев, тщетно пытающиеся уговорить не в меру расшалившихся подопечных. Здесь же очаровательные молодые мамы, с любовью и нежностью наблюдающие за своими чадами.

На аллее показался бравый полковник, решительно направляясь вглубь парка.

– Загрязский, какими судьбами? – раздалось у него за спиной.

– Азаров, вот не ожидал. Вы здесь – жди какой-нибудь авантюры!

– От Вас ли слышу, дорогой друг? Мне ли с Вами равняться? Что-то раньше Вы сюда не наезжали. Не поверю, что просто так нагрянули, с порученьцем каким от Потемкина, не так ли?

– Честно сказать, и сам не знаю до конца сути моего приезда сюда. Сказали: здесь все разъяснят. Да по мне – хоть куда, лишь бы от скуки подальше. А здесь все мое: пирушки, балы, маскарады. К местным прелестницам приглядываюсь, море хорошеньких женщин, но хочется чего-то больше, чем просто флирт, сердцем зацепиться хочется. Старею что ли, Азаров, а?

– Да Вас, полковник, и когда состаритесь, от юбок будет не оторвать. Здесь одно увеселительное мероприятие намечается. Тартуский помещик Карл Густав фон Липхарт в свое родовое имение Ратсхоф приглашает всю местную знать на бал-маскарад. Очень рекомендую, скучать не придется, и сразу всех увидите: кто есть кто. Вам с Вашими связями приглашение получить ничего не стоит. Да и с Карлом Липхартом познакомиться есть смысл – известный человек, местная достопримечательность.

– Я слышал о нем немало, военный министр Михаил Богданович Барклай де Толли с ним в родстве, – заметил Загряжский.

– Да, его зять барон Мориц фон Поссе имеет близкое родство с прославленным полководцем. Мать Морица Поссе, Эрика Иоханна фон Смиттен, и мать фельдмаршала, Маргарита Элизабет фон Смиттен, – родные сестры. Их родной брат, Хейнрих Иоганн фон Смиттен, отец жены генерала Барклая де Толли, Хелены Августы фон Смиттен. Таким образом, Михаил Богданович женат на своей кузине, и оба они с Хейнрихом Иоганном фон Смиттенем кузены барона Морица Поссе. Возможно, фельдмаршал с женой будут на балу.

– Слышал я, какая-то не то скандальная, не то смешная история связана с родом Липхартов, – сказал полковник.

– Да, об этом все местное общество знает и судачит. Но эта история Липхартам только вес придает. Александр Липхарт считается родоначальником рода Липхартов. Он был гражданином города Ревеля с 1600 года. По профессии Александр Липхарт был шорником. В 1615 году, как уважаемый и достойный муж, он был избран старшиной Канутской гильдии, которая объединяла ремесленников. Однажды в сад Александра Липхарта залезли две свиньи и похозяйничали там. Шорник поймал свиней и зарезал их. Одну свинью отослал в богадельню, а вторую отдал на свою кухню. Если бы Липхарт знал, к чему приведет эта история, он бы и смотреть не стал в сторону этих свиней! Хозяином хрюшек оказался один дворянин. Шорник тут же уплатил ему убытки. Но разгорелся жуткий скандал! Большая гильдия объявила Липхарта бесчестной личностью и отказалась иметь с ним дело. Ремесленники так не считали и избрали его старшиной Канутской гильдии. Магистрат попытался заступиться за Липхарта, но безуспешно. В 1626 году в Ревель прибыл король Швеции и герцог Эстляндский Густав II Адольф. К этому времени с момента безвременной гибели свиней прошло уже 25 лет. Посвященный в обстоятельства дела, король выразил неудовольствие отвержением шорника: дело, в котором его обвиняют, вовсе не так велико. Король проявил расположение к ремесленникам Канутской и Олайской гильдии и утвердил регламент ремесленников для Ревеля и Эстляндского герцогства. Так закончилась эта история победой Александра Липхарта, а его потомки стали богатейшими и уважаемыми людьми. Кстати, Загряжский, знаете ли, куда я сейчас направляюсь?

– Загадками говорить изволите.

– О господине Гольдберге слышали?

– Как не слышать, конечно, слышал. Только не могу понять, что он за птица: везде и нигде, с самыми именитыми людьми накоротке, а кто такой, откуда, какими путями в свет проник, что за силы за ним стоят – сплошной туман.

– Уверяю Вас, дорогой Иван Александрович, он милейший человек, многие ему обязаны за участие и помощь! Что за нелепые наговоры! Кстати, прямо сейчас направляюсь к нему: зван на кофе. Не откажите, составьте компанию. Нет-нет, не отказывайтесь! Уверяю Вас: господин

Гольдберг будет очень рад видеть у себя любимца Потёмкина. Я вырасту в его глазах, коли у меня такой приятель, а Вы узнаете его самолично и составите свое мнение. Да и Карл фон Липхарт к нему частенько навещается – вот Вам и приглашение на бал-маскарад.

Загряжский и сам не заметил, как оказался у выхода из парка. Откуда ни возьмись, появился экипаж, и, уже садясь в него, он вдруг на мгновение замер от чудного видения: в парк входила юная женщина дивной красоты, за ней следовала девушка с малюткой-ангелом на руках и лакей в ливрее. Ощущение нереальности происходящего поразило Загряжского: время остановилось, только пронзительная тишина и прекрасная незнакомка в сиянии волшебного света, исходившего от нее. Азаров нетерпеливо втянул его в экипаж, видение исчезло, осталось ощущение прикосновения к неуловимому идеалу, прекрасному и вечно недостижимому.

* * *

Мимо неслышно прошел дворецкий. Как-то сами собой на столе оказались приборы, ганзейский фарфоровый сервиз, в нос ударил изумительный запах свежего ароматного кофе, который можно было достать только в одном месте на земном шаре – на Малоканских островах. Его собирали одну неделю в году беременные первенцем местные аборигенки. Стоил он баснословно дорого, позволить себе его могли очень состоятельные люди, имеющие обширные международные связи.

– Угощайтесь, милейший господин Загряжский, не стесняйтесь. Такой кофе Вы можете попробовать только здесь, у меня. Я имею возможность пополнять запасы регулярно.

– Благодарю Вас, господин Гольдберг. Кофе действительно вкуснейший.

Еще несколько минут они сидели молча, смакуя горячую ароматную жидкость. Загряжский прикрыл глаза. Думать ни о чем не хотелось. Хотелось сидеть вот так, вспоминать свои подвиги и победы. Эх, покуралесили... Куда же подевался Азаров? Отошел на минутку и пропал.

– Хочу затронуть один, очень важный для меня вопрос, Иван Александрович. Мне рекомендовали Вас очень высокие люди. Ваши заслуги перед ними не забудутся никогда. Вы боевой офицер, человек чести, храбрейший человек. Вас уважают друзья и боятся враги. И Вы тот человек, который может помочь решить мне одну очень серьезную проблему.

Загряжский насторожился: вот значит, как, его встреча с Азаровым и знакомство с Гольдбергом не случайны, всё подстроено. Так вот почему исчез Азаров.

– Господин Гольдберг, благодарю Вас за такую высокую оценку моей скромной персоны. Мне кажется, Вы несколько преувеличиваете мои достоинства. Я простой офицер, присягнувший императрице. Моя честь – это честь офицера. Таких много.

– Что Вы говорите, дорогой господин Загряжский? Вы просто себя недооцениваете. Я очень доверяю мнению Ваших рекомендателей. Вы поймите, что услугу мне может предоставить только человек Вашего склада. Это сугубо *confidans* услуга.

– Господин Гольдберг, я не философ и не ритор, я военный, привык к ясности и краткости. Что за услугу я могу Вам оказать?

– Видите ли, уважаемый Иван Александрович, я человек достаточно влиятельный в определенных кругах. Я свободно вхожу в кабинеты таких людей, имена которых я даже вслух произносить не буду. Деньги для меня не проблема. Это Вы уже имели честь заметить.

Гольдберг был человеком неопределенного возраста, ему смело можно было дать от 35 до 60 лет. Сухой, подтянутый, с темно-серыми, немного раскосыми глазами, заостренным носом и густой шевелюрой темных вьющихся волос, которые тщетно пытался уложить в состояние прически, он говорил мягким, бархатным голосом, но когда говорил, то возражать ему почему-то совсем не хотелось. Общение с ним оставляло двойственное впечатление: с одной стороны – очень милая дружеская беседа, с другой – полное подавление личности собеседника. Никто до конца не знал о роде его деятельности, однако, все знали, что его лучше иметь в друзьях,

чем в соперниках. Даже сильные мира сего побаивались его и старались не пересекаться и не конфликтовать с ним. Но если он просил о чем-то, то отказать ему никто не смел.

Не знал этого только действующий гвардеец, полковник императорской армии Иван Александрович Загряжский. Ему, человеку военному, никогда не случалось встретить на своем пути людей такого склада, авантюристов высочайшего уровня по призванию. Хотя, не кривя душой, надо отметить, что в отношении мелких авантюрных любовных утех равных красавцу-полковнику не было. Сколько обманутых мужей хваталось за оружие, ища встречи с обидчиком. Кого только среди них не было. Загряжский никогда не интересовался у своих пассий об их социальном положении. Даже любимая фрейлина императрицы долго замаливала грехи после одной страстной ночи, желая ее повторения.

Гольдберг приподнялся, подошел к секретеру из черного дерева с инкрустацией и достал оттуда серебряную шкатулку. Когда он поднес ее к столику, Загряжский увидел то, что заставило его вздрогнуть: на серебряной крышке шкатулки красовался знак, который заочно знали все, но также все его и боялись. Это был знак одной из крупнейших масонских лож «Братья света» – пирамида, которая была вписана в солнечный круг. Зрелище было настолько впечатляющее, что Загряжский долго не мог оторвать от него своего взгляда. Гольдберг смаковал паузу, он не спешил продолжать разговор. Реакция Загряжского ему понравилась, именно на нее он и рассчитывал. Таким образом, он сказал всё, не говоря при этом ничего. Пауза затягивалась, оба собеседника молчали. Первым прервал молчание Гольдберг. Открыл шкатулку, там лежали сигары.

– Угощайтесь, господин Загряжский. Кубинские. Крепкие. Согласитесь, хорошая сигара помогает мужскому разговору.

– Благодарю Вас, господин Гольдберг, я не курю. Бросил.

– Да ладно Вам, не кокетничайте, курите. Или Вы испугались?

– Конечно, испугаешься здесь. Тебя приглашают поговорить, познакомиться с полезным человеком, а оказываешься в самом логове мирового масонства, где тебя еще и просят о какой-то услуге. Нет, конечно, я часто оказывал всякого рода услуги разным людям и за очень хорошие деньги, но это совсем другое дело, – Загряжский потянулся за сигарой.

«Нет, нельзя показать испуг, но и соглашаться ни в коем случае нельзя. Что же делать?» – эти мысли пронеслись в голове Загряжского стремительно, легкой тенью отразившись на его лице.

– Вы хотите оскорбить меня, боевого офицера, господин Гольдберг? В чем суть услуги?

– Вот это уже мужской разговор. Итак, ближе к делу. Видите ли, в мои ближайшие планы входит создание оппозиции власти.

– .....?!

– Да-да, дорогой Иван Александрович, именно так. А что Вас, собственно, удивляет? Вы ведь умный человек и сами понимаете, что наша императрица – немка. Как может она ратовать о России православной? Да она, посмотрите, кого сюда навезла: прусаки, шляхтичи, мсье, сеньоры. Кому русский мужик платит? Все его горемычного обирают. Каждый норовит за его счет свою суму наполнить.

– Что-то не верится мне, господин Гольдберг, что Вас так уж судьба мужика беспокоит.

– Вы правы. Мужик мне, действительно, не интересен. Дело принципа. А принцип состоит в том, что...

– ...свою суму могли бы наполнить Вы?

– Ну, если быть откровенным до конца, то да. Вы уловили суть. А Вы не согласны с такой позицией?

– Вы знаете, милейший господин Гольдберг, мне бы не хотелось обсуждать власть и ее дела. Я офицер, я присягал Её Императорскому Величеству. Для меня это святое.

– Хорошо, господин полковник, оставим политику. От Вас, собственно, и не требуется разделять мои политические взгляды. У нас с Вами чисто kommerzinteressant. Вы оказываете мне услугу, я плачу Вам деньги. Прошу заметить, хорошие деньги.

– Я так и понял. В чем состоит моя роль?

– Ваша роль, как Вы изволили выразиться, в этом спектакле главная. Есть один человек, думаю, его фамилия Вам хорошо известна. В силу своего положения он владеет информацией о моих планах и очень хочет не допустить их осуществления. Он уже предпринял некоторые действия для этого.

– А я должен помешать ему помешать Вам?

– Ха, ха, ха! – Гольдберг громко и искренне рассмеялся. – Помешать ему, помешать князю Потёмкину?! Помешать ему может только смерть. Вот это Вы и должны сделать для меня!

Загряжский подавился дымом. Хрипло закашлялся. Впервые ему, боевому офицеру, который много раз смотрел смерти в лицо, был с ней на ты и получил от нее рассрочку, который не боялся никогда и ничего, которому всегда везло, даже в русскую рулетку, впервые ему стало по-настоящему страшно, страшно настолько, что комната перед глазами поплыла, и холодный пот тонкой струйкой побежал между лопаток. Человек, о котором шла речь, был никто иной, как ближайший фаворит императрицы, его родственник и друг, от которого, полковник знал, она даже родила. Замахнуться на эту персону означало замахнуться на саму императрицу, а это верное самоубийство, причем в изощренной форме. Кроме того, Загряжский против этого человека ничего не имел, даже наоборот, был многим обязан, а посему страдать за чужую идею совсем не собирался. И никакие деньги не могли заставить его согласиться на подобное предложение.

– Господин Гольдберг, Вы, вероятно, решили меня разыграть? Вы ведь понимаете всю абсурдность этой затеи?

– Отчего же абсурдность? Он смертен, как и любой другой, а значит вопрос только в месте, времени и выборе оружия.

– А еще в том, как обойти кордоны охраны, пробраться во дворец незамеченным, сделать свое дело и также незамеченным уйти.

– Правильно. Именно поэтому я и хочу просить именно Вас. Положа руку на сердце, Вы, господин Загряжский, не раз проделывали подобное, ища любовных утех, и до сих пор еще живы и, как я вижу, относительно здоровы.

– Пока здоров, но, проделав то, что Вы мне предлагаете, я буду относительно мёртв, а мои родные никогда не узнают, куда я пропал.

– Вы боитесь, господин Загряжский?

– Я знаю, как справиться со смертью в бою, но это сплошная авантюра. Зачем я Вам, господин Гольдберг? Вы с Вашими связями можете сделать всё, что угодно и без моей помощи.

– Милейший Иван Александрович, я не намерен обсуждать с Вами мои связи и возможности.

– Хорошо. Я могу отказаться?

– Конечно. Только давайте я Вам кое-что объясню. Вы, конечно, догадались, кого я представляю. К нашей организации принадлежат такие люди, которые могут многое в этой стране. У Вас есть выбор. Если Вы соглашаетесь, то попадаете в круг этих людей и Ваше будущее вполне определённо. По крайней мере, Ваши дети и внуки никогда не будут нуждаться.

– Ну, а если я откажусь?

– Ну, а если Вы откажетесь, то сами поймите: я открыл Вам очень многое. Вы человек непосвящённый, оказались знакомы с моими планами. Как Вы думаете, могу ли я так рисковать?

– Могу я подумать?

Загряжский только теперь понял, что попал в ловушку. Конец был один, что при одном исходе, что при другом. Надо что-то делать, но что? Что? Что? Инстинкт самосохранения заставлял ум работать на полную катушку. Выход должен быть.

Помог сам Гольдберг.

– Впрочем, мой друг, Вы можете подумать, я не тороплю Вас и не требую ответа сию минуту. Сутки Вам хватит?

– Хватит, – сказал Иван Александрович, благодаря providение, что Гольдберг сам предложил такой вариант. За сутки можно что-то придумать.

– Ну, вот и отлично. Завтра в это же время жду Вас у себя с положительным ответом. Более Вас не задерживаю.

– Честь имею.

Загряжский стремительно двинулся к выходу. Дверь распахнулась, но только лишь для того, чтобы впустить элегантного мужчину. Энергичным шагом войдя в комнату, он направился к хозяину дома, не замечая стоящего в стороне Загряжского.

– Сергей Иванович, дорогой, приветствую Вас, – громко и уверенно сказал он.

– Как я рад, что Вы не отказали мне и приняли приглашение. Как поживает Ваша престелстная дочь, несравненная Ульрика?

Мужчина шутливо погрозил Гольдбергу пальцем.

– Ах Вы, старый ловелас! Все никак не успокоитесь? Баронесса кланяться велела, она здесь недалеко, прогуливается с дочкой в парке.

– Ох, господин Липхарт, какой Вы опрометчивый человек: такой бриллиант оставили без присмотра. Не боитесь?

– Ну, почему же без присмотра? С ними мадам и лакей. Так что охрана вполне надежная.

Пока мужчины разговаривали, Загряжский неподвижно стоял в нескольких шагах от двери, его присутствие, казалось, никто не замечал. Он принужденно кашлянул.

– Ах, простите господа, я вас не представил. Полковник Иван Александрович Загряжский, мой добрый приятель, расквартирован с полком в здешних краях. Карл Густав фон Липхарт, почетный гражданин города, уважаемый человек, его слово имеет большой вес не только в этих краях.

– Господин Гольдберг, оставьте эти дифирамбы! Очень рад знакомству, господин полковник, – живо сказал Липхарт. – Не тот ли передо мной господин Загряжский, прославившийся храбростью в боях гвардеец, любимец самого Потемкина, о котором ходят легенды в свете?

– Он, он, – посмеиваясь, вставил слово Гольдберг, несмотря на протестующий взмах руки Загряжского, – вот от кого надо охранять жен и дочерей-то.

– Ну, полноте, господин Гольдберг, кто из нас в молодости был без греха? Отвага и беззаветная храбрость на службе императрице и Отечеству – вот, что по-настоящему красит мужчину. А господину Загряжскому этого не занимать, – произнес Липхарт, протягивая Загряжскому руку.

– Знакомство с Вами – большая честь для меня, господин Липхарт. Несмотря на краткое пребывание в Ваших местах, наслышан о Вас и Ваших родственниках и испытываю большое уважение к Вам, – сказал полковник, отвечая на рукопожатие.

– Рад пригласить Вас в свое имение Ратсхоф в субботу на бал-маскарад. Познакомлю Вас со своим семейством. Уверен, они будут рады знакомству с отважным полковником Загряжским. Наверняка уже женщины судачат о прибытии Вас с полком и полны любопытства.

– Мне очень приятно Ваше приглашение, господин Липхарт, искренне благодарен и непременно буду. Сейчас же имею честь откланяться, господа. Извините, очень спешу.

Загряжский вытянулся в струну, щелкнул каблуками и как можно быстрее вышел из комнаты, бегом спустился по лестнице и выскочил на улицу.

Свежий воздух ударил в лицо. Загряжский жадно вдыхал его, как жадно пьет утомленный путник. Голова кружилась, в ушах звенело, ноги были будто ватные, в висках пульсировала боль. Не отпускал один и тот же вопрос: «Что же делать? Что делать?» Немного отдышавшись, полковник медленно побрел по улице, перешел дорогу, чуть не попал под проезжавший мимо экипаж, услышав от кучера то, что никто не хотел бы о себе услышать. «Наверное, это конец. Еще никогда я не был так близок к смерти». Вот и дивный парк, в котором к нему подошел Азаров, но Загряжский уже не замечал окружавшей его красоты, быстрым шагом он двинулся вперед. Ушедший в свои тревожные мысли полковник не заметил пронизательного взгляда прекрасных тёмных глаз, неотступно смотревших ему вслед.

Глава 4

Повозка уныло гроыхала по узким темным улочкам Дерпта. Тускло горели уличные фонари. В их неверном свете семенили редкие прохожие.

«Интересно, я никогда не был в этом городе. Пол-Европы проехал, до Адриатики дошел, а в этом городе не был. Вот так всегда в жизни – далеко смотрим, глубоко копаем, а то, что рядом, не замечаем. Ищем любовь где-то за облаками, картины рисуем сказочные, а она ходит рядом, тихонечко так, скромно ходит и ждет своего часа. Она точно знает, что этот час наступит... Уф! Что-то я расфилософствовался. Видимо, здешняя старина навевает».

Так думал Загряжский по дороге во дворец Липхарта. Приглашение на этот бал было для него неожиданным и совсем некстати, но отказаться было невозможно, слишком крупной фигурой в государстве был барон Липхарт. Таким людям не отказывают.

Вспоминать об этом было крайне неприятно, так как хозяин дома, в котором произошло знакомство, сделал Загряжскому предложение, которое могло стоить ему жизни. Загряжский, человек военный, будучи неплохим стратегом, понимал, что как ни крути, конец один. Убрать человека, которого требовал Гольдберг, было не просто, точнее сказать, невозможно. Кроме того, князь Потемкин был личным другом Загряжского, очень благоволил ему, пристально следил за его карьерой и частенько выручал из щекотливых ситуаций. А Загряжский, несмотря на свою ветреность и непостоянство, ни трусом, ни предателем не был. Поэтому решение он принял почти сразу.

Через сутки он явился в тот же дом, встретился с хозяином и без обиняков, как есть, отказался.

– Я ожидал от Вас именно такого ответа, господин полковник, – после некоторой паузы сказал Гольдберг, – мне, действительно, слишком хорошо Вас описали. Но, к сожалению, это предложение я мог сделать только Вам, только Вы действительно близкий Потёмкину человек. От Вас он никогда не ожидает опасности. Честно говоря, в душе я все-таки надеялся, что получаемые Вами преимущества перевесят дружескую привязанность.

– Господин Гольдберг, если Вам, как Вы говорите, хорошо меня описали, то Вы должны были понять, что я человек чести и не намерен размениваться на преимущества.

– Ох, полковник, как Вы не правы. Честь! Долг! Дружба! Что это? Вы можете мне объяснить: что это такое?

– Я думаю, эти понятия не требуют объяснений, они вечны. Софокл, Аристотель, Демосфен уже всё объяснили.

– Друг мой, это философия. А жизнь диктует другие условия. Всё решают деньги и связи. Дружба, честь, любовь покупаются и продаются, прогибаются под ситуацию.

– Вы говорите сейчас аморальные вещи.

– Боже мой, как Вы далеки сейчас от истины, полковник. Ладно, постараюсь объяснить по-другому. Скажите, открыть приют для бездомных детей – это морально или аморально?

– Конечно, морально, что за вопрос?

– Тогда скажите, почему городские власти этого не делают? Эти несчастные сбиваются в стайки для того, чтобы хоть как-то выжить, пытаюсь стянуть в лавчонке плохо лежащий кусок. Когда кого-то из них схватят, остальные разбегаются врассыпную, а ночью, чтобы согреться, жмутся друг к другу и спят где-то в подвале, боясь пошевелиться. И именно там, во сне, у них есть дом, мама и кружка теплого молока. Там идет жизнь, там есть детство.

Загряжский нервно закурил, поднялся, подошел к окну. Он не понимал, к чему клонит собеседник. При чем здесь бездомные дети, если речь шла о судьбе вполне взрослого и достойнейшего человека?

– Позвольте, господин Гольдберг, зачем Вы мне это рассказываете? Какое это имеет отношение к нашему вопросу?

– Полковник, не перебивайте, пожалуйста. Я хочу, чтобы Вы поняли, что мыслите, как все, как принято мыслить. Но у любой медали есть две стороны. Посмотрите и на другую сторону, тогда будет видна вся картина целиком. Так вот я лично построил три таких приюта только благодаря тому, что знаком кое с кем из городского Совета и кое-кому помог дочке с приданым. Что аморального в том, что ста двадцати детишкам стало теплее и сытнее в этом мире?

Загряжский молчал. Собеседник был прав, и возразить ему было абсолютно нечего, но полковник чувствовал какой-то подвох. Ох, непрост был Гольдберг, ох, как непрост.

– Молчите?! Правильно, потому что знаете, что я прав. Кстати, скажу больше. Ваш друг, князь Потёмкин однажды был у нас с инспекцией и один приют приказал закрыть, отдав его под казармы. Так о какой морали мы говорим с Вами, уважаемый полковник? Впрочем, я не прав в том, что морали не существует. Конечно, она есть, но границы ее очень размыты и каждый устанавливает их для себя сам. Ваши границы, вероятно, очень конкретны и точно очерчены. А моя мораль такова, что я не могу рисковать судьбой моего братства и, если Вы все-таки откажитесь, то я не смогу ничего Вам обещать, я даже не смогу гарантировать вам жизнь.

– Послушайте, Гольдберг, а Вы не боитесь, что я просто напишу Григорию Александровичу письмо, и этим все наши противоречия разрешатся.

– Не боюсь, Я предусмотрел этот случай.

Гольдберг встал, подошел к стене, сделал какое-то едва уловимое движение, и в стене открылась маленькая дверка. Он засунул туда руку, что-то пошевелил, сбоку отъехала перегородка, открыв нишу, из которой барон вытащил пачку бумаг.

– «13 марта сего года я, статский советник Куприянов, имел честь находиться в доме моего приятеля, доктора Миле, где был также полковник Загряжский. Мы играли в карты, выпили шампанского, и полковник много рассказывал о своих любовных похождениях. При этом он отпускал очень скабрёзные шутки в адрес князя Потёмкина, которого называл «старым козлом», «напыщенным гусем», «императорским приживалой» и другими, которые мне описать не позволит природная скромность. Сие подтвердить может доктор Миле, хозяин дома», – прочитал барон, вытянув из кипы бумаг один лист.

По спине полковника пробежала тонкая холодная струйка, руки предательски похолодели, дышать стало невозможно. Нахлынула волна то ли возмущения, то ли страха.

– Ну, что, еще почитать, полковник?

– Достаточно. Это же подлая фальсификация.

– Ну и что? Кому это интересно?

– Что Вы намерены с этим делать?

– Отправлю по адресу в случае чего. Он, конечно, не поверит. Но пока суд да дело, время пройдет, а там... мало ли чего? А Ваше письмо до адресата все равно не дойдет. Почтарь наш человек.

– Да Вы, Вы..., – Загряжский задохнулся от возмущения.

– Не волнуйтесь, милейший Иван Александрович. Это только крайний случай. Я очень надеюсь на Ваше благоразумие.

– Ну, уж нет. Ни на какие сделки с Вами я не пойду, даже если это будет стоить мне жизни. Смерти я не боюсь, а Ваша ложь все равно откроется. Имею честь.

Громко щёлкнув каблуками, Загряжский быстро вышел вон.

«Да, всего два дня прошло, а я уже жизнь и честь чуть не потерял, да и будущее не предвещает ничего хорошего».

Вероятность повстречать недруга на балу была очень велика. Не то чтобы Загряжский его испугался, но перспектива осложнения жизни в дальнейшем не радовала. Хотелось не с ветряными мельницами сражаться, а получать удовольствия от жизни, как и прежде.

Коляска с Загряжским, погруженным в эти мысли, съехала с моста и затряслась по выщербленной мостовой. Вдруг ее сильно тряхнуло и завалило на бок. Кучер хлестал бедную пегую по бокам, она, как могла, пыталась тянуть, но коляска намертво застряла в колее. Загряжский спрыгнул на землю и осмотрел колесо.

– Барин, ты сядь в коляску, замараешься. На бал все ж едешь, не гоже, поди, это.

– Да брось, мужик, я боевой офицер, меня грязью не испугаешь.

Загряжский уперся плечом в угол коляски, качнул и вместе с испуганной лошадью вытащил ее на мостовую. Отряхивая колени, полковник заметил стоящую позади, сажень в тридцати, другую коляску. Никакого движения рядом с ней не происходило. «Странно, – подумал полковник, – с чего бы экипажу на мосту стоять? Пассажиры здесь не найдешь, высаживать тоже неудобно. Странно».

Когда коляска тронулась, Загряжский высунулся и посмотрел назад. Экипаж тоже тронулся, но расстояния не менял. Полковника осенило: «Кажется, началось». Еще несколько раз за дорогу Иван Александрович оглядывался назад.

Вскоре показался дворец Липхарта. Это было эклектично построенное здание в стиле, определить который не взялся бы ни один знаток. Здесь была и высокая готика, и барокко, и рококо, и что-то особенное, присущее только индивидуальному стилю архитектора. Высокие резные окна чередовались с маленькими окошками-бойницами, красивые фрески были увиты плющом, каждая угловая башенка заканчивалась флюгером, с крыши по навесному мосту можно было попасть в почти игрушечную часовенку, которую венчал колокол. Все здесь создавало впечатление чего-то сказочного, но в то же время угрожающе вечного, монументального. Забор замка – это отдельное произведение искусства. Он по частям заказывался лучшим голландским кузнецам, поэтому ни один пролет его не повторялся: рядом соседствовали и лесные звери, и рыцари, и герои сказок и сказаний.

Загряжский засмотрелся на всю эту красоту, но она была наполнена непонятным чувством тревоги. Почему? Откуда? Чувство щемило, не давало взгляду успокоиться. Вдруг Загряжского словно молния ударила: он увидел то, чего меньше всего хотел бы увидеть. Каждая верхняя выступающая деталь забора заканчивалась неизменной пирамидой, из центра которой на полковника смотрел глаз. Это был знак, знак масонов. «Ну, я попал. Заманили в масонское логово. Может, не ходить? Тогда что, я струсил? Ну, нет, господа масоны. Мы с вами еще посмотрим, кто кого».

Коляска остановилась у ярко освещенного входа, кругом били фонтаны, газоны по-европейски подстрижены, по ним гордо шагали павлины, так, будто и этот дворец, и фонтаны, и газон были созданы только для них. Загряжскому вдруг стало смешно. Эти павлины так походили на напыщенного Гольдберга.

Коляски подъезжали одна за другой. Из них выходили шикарно одетые дамы, прически которых были сродни архитектурным сооружениям.

Надо отметить, что современные модницы совсем дети по сравнению с придворными модницами XVIII века. Те не жалели денег и были готовы отдать себя в жертву парикмахеру,

который подобно кулинару, архитектору, живописцу создавал шедевр из волос, шиньонов, париков, проволоки, цветов, фруктов и даже живых пернатых. Строение достигало метра в высоту, с ним приходилось спать, полусидя-полулежа, мыть голову было не принято. Можно догадаться, что плодилось в голове при таком уровне гигиены. Когда очень чесалось, то это делали специальными палочками, которые вместе с веером висели на руке каждой придворной модницы.

Русское поместное дворянское общество, надо сказать, было более скромно и менее вычурно, но и здесь встречались свои экземпляры. Вот такие экземпляры и наблюдал Загряжский у замка Липхарта. Дам сопровождали кавалеры в мундирах с позументами, муаровыми лентами на слегка округлившись животом. Всех их по очереди поглощали двери замка, откуда призывно звучала музыка.

К входу подъехала очередная коляска. Кучер суетливо подбежал к дверце, открыл её и подал руку даме, которая легко спрыгнула на землю.

Полковник, сам не понимая почему, не мог оторвать от нее взгляд. Что-то в ней показалось ему знакомым.

– О, Боже, только не это! – чуть ли не вслух простонал он.

Загряжский узнал эту женщину. Когда-то он имел с ней очередную интрижку, как ему казалось, ни к чему не обязывающую, хотя был влюблён в ее сестру. Роман оборвался внезапно, как и начался. С бывшей любовницей Загряжский остался так называемым «другом», но мы-то знаем, какой «друг» из покинутой и обманутой женщины. Прошло много лет, а Ольга Алексеева (так звали эту женщину), по слухам, всё ещё была не замужем. Поговаривали, что родила сына, и время от времени напоминала о себе Загряжскому какими-либо мелкими колкостями. Хотя надо отдать ей должное: время нисколько не тронуло её. Она была так же легка, нежна и красива, как и раньше, чего невозможно было сказать о её сестре, у которой на лице было написано, что она мать троих детей.

Загряжский отпрянул в тень. Встречаться с Ольгой не входило в его планы. Ольга быстро и решительно вошла в замок, двери за ней закрылись, полковник облегченно выдохнул: «Теперь можно и войти, не встретиться бы только с ней, надо быть повнимательнее. Да что это я, в конце концов? Испугался женщины? Когда это я их боялся? Но всё равно надо быть аккуратнее». С этими мыслями Иван Александрович двинулся к дверям замка и вдруг нос к носу столкнулся со своим старым боевым другом Иваном Забугой.

– О, и ты здесь, Загряжский? Хотя чего я удивляюсь, ты ведь всегда там, где может наместиться очередная интрижка.

– О чём ты, друг?

– Я о шерше ля фамм.

– Какой «ля фамм»? Тут жизнь на волоске висит, а ты «ля фамм».

– Да. Должно случиться что-то, ну, очень страшное, чтобы ты изменил своим привычкам.

– Ты прав, абсолютно прав, Забуга. Я, действительно, в затруднительном положении и не знаю, что мне делать.

– Ха-ха-ха! Неужели очередной рогатый муж лишил тебя всех радостей жизни?

– Смеёшься? А мне не до смеха... У меня проблема, и мужья тут совершенно ни при чём, тут уже политика, – Загряжский глубоко задумался.

– Политика? – удивился Забуга. – Что ты имеешь в виду? Как ты, боевой офицер, умудрился ввязаться в политику?

– Забуга, я давно тебя знаю, знаю, что ты попусту болтать не будешь, поэтому расскажу тебе свою невероятную историю. Представь себе, еще два дня назад ничего не предвещало беды...

Довольно быстро Загряжский изложил другу всё. Забуга присвистнул.

– Да, полковник, ситуация, стало быть. Ну, и что ты думаешь делать?

- Если бы я знал... Однако, я не трус и пасовать перед обстоятельствами не намерен.
- Но эти люди? Ты даже не представляешь, какие у них возможности.
- Да, не представляю и даже не хочу представлять. Меня турецкие ятаганы, польские алебарды, кавказские сабли не испугали, а тут горстка напыщенных индюков.
- Там враг явный, Загряжский, и ты с ним в открытой битве, ваши силы равны. А дальше – кому больше повезет. А здесь ты один на один с целой тайной организацией, и я сомневаюсь, что ваши силы равны.
- Но, ты же знаешь, кто у меня за спиной.
- Знаю. Но в данных обстоятельствах это не аргумент. Боюсь, ты просто пешка в чьей-то политической игре, – вздохнул Забуга.
- И что же мне делать теперь, Иван?
- Ох, если б знать... Что делать? Бежать тебе нужно, Загряжский, вот что.
- Я не трус, я никуда не побегу. Ты понимаешь, что ты мне предлагаешь, Забуга?
- Не горячись, друг. Давай рассуждать здраво. Ты можешь сейчас изменить ситуацию в свою пользу?
- Боюсь, что нет. Но какое это имеет значение? Я готов умереть с честью, – твёрдо сказал Загряжский.
- Ох, друг мой, при чём здесь честь? Неужели ты и вправду думаешь, что смерть поможет тебе сохранить её? Тебя оболгут, обольют помоями, выгасят наружу всё грязное бельё, а труп потом выкинут на свалку. Так что не надо геройствовать, это всё равно никто не оценит, а на том свете тебе уже будет всё равно. Мой тебе совет – беги! Но беги так, чтобы это не выглядело как побег.
- Ну и задача. Как же так можно убежать?
- У меня есть одна мыслишка. Пойдем внутрь, полковник, выпьем шампанского, и я тебе изложу свой план.
- Друзья вошли в логово российского масонства. Сама по себе ситуация была дикой. Вместо того, чтобы бежать подальше от этого дома, который скрывал в себе опасность для жизни, Загряжский шёл туда, чтобы именно там выработать план побега оттуда. Но, видно, такова воля Господа, а в Бога Загряжский свято верил.
- В замке была огромная парадная зала. Ярким светом пылали несколько тысяч свечей, и этот свет будто бы плясал под аккомпанемент оркестра, который играл где-то наверху, на балконе. Музыка лилась волшебная, сказочная, обволакивающая. Пестрая толпа кружилась под музыку, лиц было не различить, только платья, парики, веера, мундиры... Одна пара, другая, третья... И снова... и снова... и снова... Загряжский заволновался: «Как же избежать встречи с Ольгой? Пожалуй, стоит держаться в тени».
- Пойдем, друг мой, что ты встал? Это же не поле боя, это бал. Здесь надо веселиться, – сказал Забуга.
- Да-да, пойдём. Только давай без излишеств, я должен контролировать ситуацию.
- Как скажешь. Вот и шампанское.
- К друзьям подошёл лакей с подносом хрустальных бокалов, наполненных любимым напитком русской аристократии. Едва друзья успели чокнуться и пригубить шампанское, как рядом оказался хозяин дома.
- Приветствую вас, господа, рад видеть вас у себя! Добро пожаловать в моё скромное жилище.
- Добрый вечер, господин Липхарт. Что Вы называете скромным жилищем? В Вашем доме спокойно разместились бы два гусарских полка вместе с лошадьми и обозами. А в этом зале они вполне могли бы тренироваться в выездке, – заметили офицеры, перебивая друг друга.
- Господа, благодарю за остроумие, вы меня очень насмешили. Никогда так не думал о своём доме, но это хорошая идея. В случае необходимости я обязательно предложу свои услуги,

– Липхарт искренне засмеялся. – Господа, разрешите вам представить мою дочь: баронесса Ульрика Еувфрозиния фон Поссе. Здесь с мужем, тоже офицером, бароном Морицем фон Поссе. Возможно, вы с ним встречались по долгу службы. А уж с нашим именитым родственником, кузеном барона фельдмаршалом Михаилом Богдановичем Барклаем-де-Толли встречались наверняка неоднократно. Мы ожидали было его приезда...

Фон Липхарт продолжал светский разговор, но Загряжский его уже не слышал. Все звуки, всё, что окружало, перестало для него существовать, как только он заметил, что к барону подошла девушка. Она скромно стояла рядом с отцом. Перед полковником было видение, сон, мечта... Это было то, что он меньше всего ожидал здесь увидеть. Именно эту девушку он встретил в парке перед поездкой в дом Гольдберга. Видение было недосыгаемо прекрасным и, в то же время, бесконечно женственным и притягательным. В её внешности, в её фигуре не было ни одного изъяна, но это было не главное. Главное было в чём-то другом, неуловимом, в чём – этого Загряжский объяснить не мог, но одно он понял абсолютно точно: он понял, что пропал. Без этой прелестной женщины жизнь для него теряла смысл.

Офицеры щегольски подтянулись и шелкнули каблуками. Юная баронесса учтиво протянула маленькую белую ручку, которую они по очереди поцеловали.

– Сударыня, для нас огромная честь быть Вам представленными. Ваш покорный слуга – Забуга Иван Иванович, а это мой друг – Загряжский Иван Александрович.

Полковник не мог проронить ни слова, язык его будто стал весить два пуда. «Да что ж это такое, как мальчишка дар речи потерял, глаз толком поднять не смею. Еще только покраснеть не хватало. Стыдись, Загряжский! Ты ли это, ловелас и повеса? Так потеряться перед девчонкой? А ну-ка, возьми себя в руки!»

– Мне тоже очень приятно, господа, как вам у нас? – произнесла Ульрика мелодичным голосом с едва уловимым приятным акцентом.

Загряжский почувствовал, что у него начинает кружиться голова.

– Великолепно, лучшего бала мы не видели даже в столице, – улыбаясь, произнес Забуга.

– Дитя моё, – вмешался фон Липхарт, – а где же Ваш муж?

– Развлекает генерала, а в большей степени – его супругу. Она такого размера, что из всех танцев даже хоровод ей не подойдёт.

– Будьте снисходительны, Ульрика. Это нормально для хозяев: каждого гостя не оставить без внимания.

– И при этом оставить без внимания собственную жену.

Фон Липхарт хотел что-то ответить, но вмешался вдруг очнувшийся Загряжский:

– Я прошу прощения. Сударыня, если Вас это утешит, то мы можем составить Вам компанию. Вы не возражаете, барон?

– Буду вам только признателен, господа. Моя дочь ещё совсем молода, и ей, конечно, гораздо приятнее будет общаться с вами, молодыми офицерами.

– Молодыми? Вы нам льстите, господин Липхарт. Но, впрочем, спасибо, – засмеялся Забуга.

– А за сим, господа, разрешите мне откланяться. Пойду к гостям. Не скучайте, дитя моё. Липхарт ушел. В это время заиграли мазурку.

– Сударыня, разрешите Вас пригласить на танец! – почти хором воскликнули офицеры.

– Ха-ха-ха! Вы симпатичны мне оба, но боюсь, что втроём нам будет немножко сложно танцевать.

– Тогда выбирайте, сударыня, – сказал Забуга.

– Ну, рассказывайте мне свои подвиги, господа офицеры, а я посчитаю и выберу.

– Вы это серьёзно? – растерянно спросил Забуга.

– Конечно, должна же я как-то сделать выбор.

– Сударыня, на это не хватит и дня, – начал было Загряжский, но вдруг в глазах Ульки он увидел едва уловимые смешинки. Ему стало так спокойно, как, наверное, бывает человеку за минуту до смерти, когда грехи уже отпущены и впереди вечность со Всевышним.

Иван Александрович решил поддержать игру:

– А впрочем, слушайте. Мой офицерский путь начался...

Ульрика засмеялась, взяла Загряжского под руку:

– Пойдемте, полковник, Вы меня убедили.

– А как же я? Мне тоже есть, что рассказать.

– Успокойтесь, сударь. Вы, наверняка, тоже хороши, но Ваш приятель хотя бы начал.

Раздались бравурные звуки мазурки, и пары полетели по кругу в головокружительных па. Ах, эти прелестные ножки дам, так соблазнительно порхающие под слегка приподнятым краем платья, разгоряченные порозовевшие щечки, приоткрытые нежные губки, сияющие от счастья и сознания собственной неотразимости глазки, порой обещающие так много в мимолетном кокетливо выстрелившем взгляде, который точно попадает в восхищенное мужское сердце! А эти мимолетные касания рук, заставляющие улетать сердца в неведомые дали и пространства в ожидании блаженства, которое эти прикосновения обещают впереди.

Отзвучали последние аккорды, танец закончился. Разгоряченная танцем пара вернулась туда, где перед началом мазурки стоял Забуга. Офицера там не было. Загряжский поискал его глазами, не нашел, облегченно вздохнул. Друг, определенно, мешал ему. Таково было желание полковника: остаться наедине с этой потрясающей женщиной. Ещё одно достоинство, которое приобрела Ульрика в глазах Загряжского – это умение красиво и тонко шутить. Качество, редко присущее женщинам. Загряжский чувствовал себя в её присутствии очень комфортно, скованность первых минут знакомства прошла, хотелось говорить и говорить. Снова зазвучала музыка, но танцевать уже не хотелось.

– Сударыня, не хотите ли выйти на воздух?

– В саду есть тихая беседка. Мы можем пойти туда.

Вечер был чудесный. Последние тёплые дни осени, напоминающие об ушедшем лете. Месяц светил на землю так, будто хотел один осветить весь мир. Звёзды подмигивали, объединялись в хороводы и водили эти хороводы по темному ночному небу, вовлекая в этот фантастический танец всё окружающее. Загряжский понял, что у него кружится голова не то от выпитого шампанского, не то от присутствия рядом женщины.

Полковник привык к женщинам. Их в жизни драгуна было множество. Сначала он их считал, даже вел записи, оценивал их, сравнивал между собой, потом плюнул и перестал, так как смысла в этом не было никакого, а количество женщин неумолимо росло. Не то, чтобы он их коллекционировал, любая его связь начиналась биением сердца, ударом в голову, цветами, шампанским и всем, что сопровождает романтические отношения. Всех их он уважал и, по-своему, ценил, гордился их успехами, сочувствовал и поддерживал в трудную минуту, но к этой женщине, которая сейчас была с ним рядом, он испытывал совершенно иные чувства. Банальности говорить не хотелось, душа рвалась к неведомым и непроизнесенным еще никому словам. С чего начать? О чем говорить? Ульрика сама спасла положение.

– Господин Загряжский, чудесный вечер, Вы не находите?

– Да, Вы правы, вечер действительно чудесный.

– Предложите мне руку, полковник.

– О, простите, как же я сам не догадался? Прошу Вас, сударыня.

Щелкнув каблуками, Иван Александрович предложил даме руку. Так они медленно двинулись по выстеленным гравием дорожкам парка. Ещё несколько дежурных фраз, положенных в данных условиях. Неожиданно Ульрика заговорила быстро и горячо:

– Послушайте, полковник, у нас мало времени, нас начнут искать, если мы вскоре не вернемся. Я должна что-то сказать Вам. Я помню нашу первую встречу два дня назад в сквере

неподалеку от дома Гольдберга. Не знаю почему, но Вы запомнились мне. Сначала Вы разговаривали с господином Азаровым, он знаком мне. Потом он усадил Вас в экипаж, и Вы направились в сторону дома Гольдберга. Через некоторое время Вы пробежали мимо меня, но я Вас заметила. Вы были чем-то очень озабочены. Я не сомневалась, откуда Вы вышли, и знала, что туда несколько минут назад направился мой отец. Также мне известно, что за фрукт Гольдберг. Мне показалось очень странным то, что Вы, brave гвардеец, после встречи с ним, были явно испуганы. Кроме того, Вы явно не входите в круг общения Гольдберга. Я подумала, что надо узнать о том, что произошло между вами. Когда подошел отец, я спросила у него, что за офицер, с которым он встретился в доме. Он ответил, что это полковник Загряжский, известный ловелас, кутила, забияка, сейчас он в очень затруднительном положении, очень жаль его – храбрый, отважный боец, но вряд ли справится с ситуацией. Полковник, Вы мне симпатичны, я хочу Вас предупредить: если можете, откажитесь от своих обязательств Гольдбергу. Я не знаю, какие у Вас были договоренности, но откажитесь, бегите от него, он страшный человек.

Загряжский совершенно не ожидал, что эта пленительно красивая, юная женщина еще и настолько умна и проницательна, что с одного взгляда поняла всё и так верно оценила ситуацию.

– Спасибо Вам, дорогая баронесса, я очень тронут Вашей заботой, но боюсь, что уже поздно, ничего изменить нельзя. Кроме того, я в любом случае погиб. Это не зависит от моего решения.

– Не говорите так, полковник. Выход всегда есть. Если Вы разрешите, я попробую Вам помочь. Только мне надо знать, в чем дело.

– Я не понимаю, почему Вы хотите мне помочь, мы с Вами едва знакомы.

– Поверьте, я хочу помочь Вам из самых чистых побуждений.

Они возвращались ко входу в замок и вдруг увидели, как им навстречу нервными шагами направлялся мужчина.

– Это мой муж. Я же говорила, что нас начнут искать. Давайте договоримся: завтра в полдень я буду гулять с дочерью в том же парке, приходите, поговорим.

Приблизившись к ним, мужчина сердито заговорил:

– Дорогая, ну, где же Вы? Я Вас везде ищу.

– Полно, дорогой, мы с полковником только вышли на воздух. Он успел мне лишь пару армейских историй рассказать, не более. Кстати, познакомьтесь: полковник Загряжский Иван Александрович, мой муж – барон Мориц фон Поссе.

– Очень приятно, полковник.

Мужчины обменялись рукопожатием, Загряжскому показалось – чересчур сильным.

– Однако пойдем, дорогая. Прошу прощения, полковник, я заберу у Вас свою жену.

– Честь имею.

– До свидания, полковник, – сказала Ульрика, едва опустив веки.

Загряжский понял этот знак.

Супруги ушли. Загряжский остался один. Он чувствовал себя очень странно, не понимая, что происходит. Но он знал точно, завтра он придет в полдень в городской парк. Во-первых, он хотел увидеть Ульрику еще, а во-вторых, было очень интересно: почему же она хочет помогать. Это было приятно, но и очень странно, в этом была какая-то тайна, а тайны не входили в планы полковника.

– Да, потрясающая женщина, – произнес Загряжский.

– Это ты, конечно, про меня, Иван?

Полковник вздрогнул. Он понял, что последнюю фразу сказал вслух, но та, которая возникла рядом, совсем не радовала. Он так тщательно от нее прятался в течение всего вечера. Теперь она нашла его сама. Это была Ольга. «Боже, как не вовремя! Она видела нас или нет?»

Вряд ли, рядом растёт густой розовый куст, он скрывает обзор. Она оказалась рядом случайно, ничего не видела. И все-таки, как же она некстати».

– Ты что, не рад меня видеть? Иван, а ты о какой женщине? Если о той, что сейчас вместе с молодым офицером вошла в дом, то я твой выбор одобряю.

– Ольга, дорогая, я всегда тебе рад, ты же знаешь. А эта дама, о которой ты подумала, замужем за офицером, уважаемым человеком. Неужели ты меня в чем-то подозреваешь?

– Боже мой! Разве для тебя наличие мужа когда-либо было преградой? Да, ладно, я не об этом. Просто я очень удивилась, увидев тебя здесь.

– Это я удивлен. Мы довольно далеко от Петербурга. Что ты здесь делаешь?

– Решила развеяться. Здесь спокойно, нет столичной суеты.

– А откуда ты Липхарта знаешь?

– Да, так, знаю. И вообще, хватит меня допрашивать. Пойдем в дом, холодно.

Полковник подал даме руку, и они медленно двинулись к дому.

«Зачем она здесь? Что ей от меня нужно? Ох, чувствую я, неспроста всё это», – думал

Загряжский.

Ольга заговорила:

– Ты в родовом поместье когда был? А детей давно видел?

– Около года не был. Не доводилось. Я все больше в южных землях. Только теперь командировали сюда. Ждем следующего распоряжения.

– Я тоже давно сестру с племянниками не видела. Как они там?

– Да что с ними будет? Хозяйство крепкое, прислуга обученная, в двух верстах доктор живет. Что с ними может произойти?

– Да, я тут сон нехороший видела. Боюсь, как бы чего не вышло.

– Будет оказия, съезжу в отпуск, повидаюсь.

Войдя в дом, они оказались в плену венского вальса.

– Пойдем, потанцуем, полковник.

Пока кружились в танце, мысли Загряжского тоже кружились. Столько всего произошло в жизни полковника за последние два дня. Со всем этим необходимо было разобраться. Напоминание о детях отозвалось болью в сердце, он, действительно, почти год не видел многих дорогих ему людей. Надо попросить отпуск, в конце концов, он его заслужил. И надо как-то избавиться от Ольги, она опасна.

Вдруг Загряжский взглядом поймал Забугу. Тот стоял в компании трех немолодых дам, что-то рассказывал им, и все четверо громко хохотали. «Вот он – спасительный мостик».

– Дорогая, я вынужден тебя покинуть. Мне нужно вытащить друга из этого пансиона благородных старушек.

– Да, горбатого могила исправит. А я уже было позволила себе подумать, что мы уедем отсюда вместе.

– Тебе не стыдно? Это ты предлагаешь мне, отцу детей твоей сестры? Угомонись, что было, то прошло.

– Смотри, Загряжский, не пожалей, – Ольга быстро ушла.

Загряжский пытался проводить её взглядом, но она будто растворилась. Полковник вздохнул и решительно двинулся в сторону весёлой компании.

– Приветствую вас, милые дамы!

– Дамы, разрешите представить вам моего друга, храброго офицера, героя всех возможных битв, любимца женщин, Ивана Александровича Загряжского.

– Это имя очень знакомо, – сказала одна из дам.

– А эти глаза говорят о многом, не правда ли? – хохотнула другая.

Загряжский поддержал тему, рассказал вслед парочку смешных историй, извинился и отвёл Забугу в сторону.

– Слушай, друг, пока ты тут старушек развлекаешь, я попал в конфузную историю.

– Это не просто старушки. Это придворные фрейлины Ее Императорского Величества: Чернышова, Воронцова и Разумовская.

– Да ладно, Бог с ними. Слушай меня.

Загряжский быстро изложил суть дела.

– Да, дела! И что ты думаешь предпринять?

– Думаю, что пойду завтра в парк.

– А ты не боишься, что это провокация и заговор? – задумчиво спросил Забуга.

– Не вижу смысла. Избавиться от меня можно проще. Зачем столько интриг?

– Ну, смотри, как знаешь.

Загряжскому вдруг очень захотелось увидеть Её. Он стал искать Ульрику глазами. Танцевальный зал, колоннада, лестница. Нет, нигде не видно. Вдруг на балконе он увидел интересную сценку: Ольга стояла вместе с Гольдбергом, что-то горячо объясняла ему и указывала в сторону Загряжского. «Так она и с Гольдбергом знакома. Что она может ему про меня рассказывать?» Гольдберг внимательно слушал, кивал, потом произнес какую-то фразу очень уверенно и жёстко. Ольга хотела что-то возразить, но Гольдберг резко осёк её. Ольга заплакала, закрыла лицо руками и скрылась с балкона. «Что-то здесь не чисто, – подумал полковник, – ох, не нравится мне это».

– Ты это видел, Забуга?

– Что я должен был видеть?

– Ну, разговор на балконе?

– Какой разговор, о чём ты?

– Ну, эти двое: Ольга и Гольдберг. Они обо мне говорили.

– Друг мой, по-моему, у тебя паранойя.

– Да нет, Забуга, ты не понимаешь. Я видел своими глазами, Ольга говорила что-то, показывала на меня, потом заплакала.

– Загряжский, ты прав. Женщины всегда плачут от тебя. Что может быть общего у Ольги и этого типа?

– Да откуда же я знаю? Но она зачем-то здесь, она знает этих масонов, у них есть какие-то общие интересы.

– Думаешь, в этом что-то есть?

– Наверняка есть, узнать бы только, что, – взволнованно сказал Загряжский.

– Слушай, дружище, думаю смогу тебе помочь. У меня в полку есть один смышленный парнишка, подпоручик. Я направлю его, он послушает, посмотрит аккуратненько, может, что и накопает.

– Ох, опасно это.

– А ходить по острию ножа, как ты, Иван, это не опасно?

– Ну, давай попробуем. Только предупреди его, что это за люди. Пусть будет очень осторожен, не лезет на рожон.

– Да он разберётся! Он нам такие сведения о турках добывал, сам главнокомандующий за голову хватался. Как он это делает, одному Богу известно, – посмеиваясь, сказал Забуга.

– Ладно, убедил. Давай твоего разведчика.

– И ты, Иван, письмо напиши князю Потёмкину о случившемся с тобой. Есть у меня одна лазеечка, через которую можно попытаться ему это письмо передать. Давай рискнём. Это лучше, чем ничего.

– Забуга, ты меня воскресаешь. Конечно, попробуем.

Друзья двинулись к выходу, больше оставаться в пасти хищника было опасно, да и надо было подумать, подготовиться к завтрашней встрече.

Глава 5

Утро наступило внезапно. Уснуть Загряжскому так и не удалось. Он мучительно вглядывался в темноту, будто пытался увидеть там, как на кофейной гуще, своё будущее. И вдруг неожиданно стало светло, как будто не было совсем утренних сумерек, и первый луч солнца не спешил, как бегун на дистанции, обогнуть все препятствия, обойти соперников, разорвать ночную мглу и озарить спящую землю, окутать её туманом и утренней свежестью. Была в утре какая-то магическая сила. Не зря ведь вездесущие деревенские знахарки лечили больных, умывая их утренней росой, заставляли бегать босыми по земле и обнимать деревья.

Несмотря на бессонную ночь, Иван Александрович чувствовал себя бодро. Как обычно рано встал, умылся, сделал несколько необходимых упражнений, плотно позавтракал. Хозяйка квартиры, где он был расквартирован, отличалась отменными кулинарными способностями. Между делом (Загряжский не был бы собой, если бы не сделал это) доставил молодой солдатской вдове значительную долю удовольствий, а она, в свою очередь, старалась для него во всю.

Вся случившаяся катавасия отнимала массу времени, а надо было обязательно заехать в полк, посмотреть, как там и что. Ведь столько сил было потрачено на то, чтобы дисциплина поддерживалась не только уставами и батогами, но и доброй волей солдат и полным доверием командиру, а Загряжский уже два дня в полку не был и боялся, что, оставшись без присмотра, бравые и бесшабашные драгуны разойдутся не на шутку.

Уже на пороге дома Загряжский крепко поцеловал хозяйку, прижал к себе ее упругое тело. Он делал это всегда, когда выходил из дома, но сейчас сделал как-то по-особенному романтично, что ли, и молодое здоровое женское тело с готовностью ответило. Это опытный любовник почувствовал сразу. Подумал было задержаться (в конце концов, обошлись без него два дня). Тут, как это всегда бывает на самом интересном месте, раздался стук в дверь.

– Подпоручик Синица. По вашему приказанию прибыл.

– Какая синица? Я ничего не приказывал, – удивился полковник.

– Разрешите доложить, господин полковник. Меня прислал мой командир, полковник Забуга.

– Ах, да, Забуга. Совсем забыл. Прошу вас, пройдемте в комнату.

И лукаво подмигнув премиленькой хозяйке дома, Загряжский с неожиданным гостем вернулся в дом.

– Ваш командир объяснил задачу?

– В общих чертах, господин полковник.

– Что Вы об этом думаете, подпоручик? Вы ведь опытный разведчик, насколько я знаю.

– Разрешите вопрос?

– Да, конечно.

– Насколько подробная информация Вам нужна, и насколько тесно я могу войти в контакт с интересующей Вас особой?

Загряжский внимательно посмотрел на собеседника. Это был молодой парнишка, но было видно, что повидал он немало. Его карие глубоко посаженные глаза смотрели так, как будто пытались увидеть внутри вас каждый орган, каждую косточку и сравнить с учебником по анатомии. Юношеский пушок совершенно не сочетался с обветренным и загорелым мужественным лицом, на котором выделялся совершенно не классической конфигурации нос. И вообще, было в нем что-то непропорциональное, что-то несуразное, но интересно то, что это совсем его не портило, даже, наоборот, делало его притягательным. «Он сможет произвести на Ольгу впечатление, хотя она женщина очень разборчивая», – утвердился во мнении Загряжский.

– Делайте всё, что сочтёте нужным: всё возможное и невозможное. От этого зависит моя жизнь.

– Тогда еще один момент.

– Да, я слушаю Вас.

– Выполняя это задание, я могу понести расходы.

– Да, конечно, тратьте, не стесняйтесь, – Загряжский вытащил пачку ассигнаций, отсчитал несколько и отдал молодому человеку. – Хочу предупредить Вас, что я не знаю, где она остановилась.

– Не волнуйтесь, господин полковник. Это моя проблема. Сколько у меня времени?

– Самое большое – три дня. Потом наш полк должен выдвигаться.

– Понял Вас. Успею. Честь имею, господин полковник.

– Успехов, подпоручик Сеница.

«Как же ему такое удастся? Забуга рассказывал о его геройствах. Такой юный, совсем мальчишка».

* * *

Только позже Загряжский узнал: когда Парамон был еще ребенком, семья Сеницы попала в плен к туркам. Они жили в Очакове. Отец его тоже был военным. Однажды в дом ворвались два страшного вида янычара, отца сразу ранили, и он не смог защитить свою семью. Зато это попытался сделать его маленький сынишка. Когда турок схватил его старшую сестру, порвал на ней кофту и начал задираить сарафан, Парамон Сеница не растерялся, а потихоньку подполз к отцовской шашке и, разбежавшись, ударил незваного гостя. Не убил, конечно, так как до жизненно важных органов достать не мог в силу невысокого роста, но тот орган, которым турок собирался распорядиться, пострадал. Турок заорал. Второй турок расвирепел, связал всю семью, добил раненого отца, ударил мальчишку так, что сломал ему нос и выбил два зуба. Но это было ничто по сравнению с тем, что оставило неизгладимый след в неокрепшей детской душе. Раненый турок орал и держался за свое причинное место. Тогда второй янычар размахнулся ятаганом и отсек своему товарищу его мужское достоинство. Этот случай навсегда засел в памяти маленького Парамона, с него началось для него знакомство с этим народом.

В плену Парамон вполне прилично выучил язык. Его разлучили с матерью и сестрой (поговаривали, что они оказались в гареме). Больше, будучи в плену, он их не видел. Однажды, уже служа в армии, напал на их след, но об этом чуть дальше. Сам же Парамон целых шесть лет работал в доме одного из высоких турецких чинов. Надо сказать, что хозяйка относилась к нему по-доброму, благоволила ему, тайком подкармливала. Своих детей у нее не было, и ему доставалась вся её нерастроченная материнская забота. Когда мальчик подрос, хозяйка сделала все возможное, чтобы дать ему образование, и даже нашла ему духовника, хотя турки очень негативно относились к православию. Мальчик был очень смысленным и быстро изучил нравы и обычаи этого народа. Даже как-то полюбил по-своему, даже попытался по-христиански простить смерть отца и судьбу матери и сестры. Но тоска по родине сильнее сильного жгла сердце и рвала душу. Он попытался уговорить хозяйку поговорить с хозяином, чтобы они его отпустили, но она, конечно, отказалась. Тогда, улучив возможность, Парамон сбежал.

Это уже совершенно особая история. Уйти из дома не было проблемы, так как его передвижений никто не ограничивал, и он регулярно ходил на базар, относил письма, исполнял хозяйские поручения. Кроме того, в хозяйском доме он находился под защитой самой хозяйки, а, следовательно, в безопасности. Убежав, он сразу столкнулся с проблемами. У него не было ни денег, ни еды, да и вообще, свободно передвигаться по чужой стране явно не турку, было небезопасно. Поэтому идти ему приходилось в темноте, по случаю зарабатывать деньги или просить пропитание.

Через полгода он оказался в порту. Ему надо было найти судно, которое доставило бы его к родным берегам. Шхуна была найдена, капитан подкуплен, осталось совсем немного. Но и

тут не обошлось без коллизий. Парамон был уже на судне, которое вот-вот должно было выйти в море, когда вдруг один из матросов побежал к трапу, кинул сходни, и на корабль поднялась группа людей. В одном из них мальчик узнал своего хозяина. «Это за мной», – первое, что подумалось ему. Мужчины поздоровались с капитаном и вместе пошли по палубе. Надо было что-то делать. Парамон попятился. Пока его вроде не увидели. Не заметив сзади препятствия, мальчик упал. Это оказался моток корабельного каната. Нырнув за канат, Парамон выдохнул и затих, и очень вовремя, так как к нему приблизилась группа мужчин. Они остановились в метре от каната и приглушенно заговорили. Всего разговора мальчик не слышал, но по обрывкам фраз понял, что речь идет не о нем, а о каком-то оружии, которое нужно куда-то доставить. В конце разговора мужчины ударили по рукам и пошли обратно к трапу. Парамон Синица вылез из своего укрытия, спустился вниз по лестнице и на всякий случай спрятался в какое-то темное помещение.

Сколько он там просидел, он не знал, вышел только, когда понял, что корабль вышел в море. Вокруг все было спокойно. Впереди – путь домой. На Синицу нахлынули воспоминания, ему хотелось на родину, но не оставляла и тревога: «Как и где жить? Что делать и чем заниматься? Остались ли у него какие-то родственники?» Когда-то давно, в той прежней жизни, у него была бабушка. Жила она где-то в Одессе или около нее, была полной добродушной женщиной, которая готовила удивительно вкусные пирожки. Она несколько раз приезжала к ним в Очаков и вносила в их скромную жизнь поток новых ярких эмоций, оставляя воспоминания о счастливых днях, наполненных радостью. «Жива ли она? Где ее искать? Узнает ли она меня?» – думал повзрослевший внук. Эти вопросы не давали ему покоя. Ответа на них не было, и быть не могло. Успокоение пришло от мысли: «Главное добраться до родной земли, а там уже ничего мне не помешает стать счастливым».

У Парамона не оставалось времени думать, капитан шхуны гонял его, наемного матроса, почем зря. От рассвета до заката мальчик был занят различной работой на корабле и к ночи валился с ног. Через несколько дней на горизонте показалась долгожданная земля. У Парамона закружилась голова то ли от счастья, то ли сказалась многодневная усталость. Сердце защемило, где-то под ложечкой засосало: «Вот она, родная земля! Еще несколько часов – и новая жизнь». Время стало тянуться нестерпимо долго. Каждая прожитая секунда отдавалась в пульсирующем виске. «Свобода? Свобода! Свобода...»

Когда шхуна пришвартовалась, у Парамона из глаз хлынули слезы. Он рыдал, как рыдают только слабые женщины, но ему совсем не было стыдно. Это был его родной Очаков. Справа коса, лиман с его коричневой водой, впереди крепость и жилые кварталы. Где-то там недалеко впереди его бывший дом, его детство, его счастливая семья. От этих мыслей стало еще страшнее и тревожнее. Как же он будет теперь жить один? Не то, что он боялся не справиться с хозяйством, этому он научился в турецком доме, боялся он одиночества и тягостных воспоминаний. Парамон подбежал к трапу и собрался спуститься вниз на землю. Но тут тяжелая сильная рука схватила его сзади за штаны:

- Ты куда собрался, щенок?
- Туда, на землю, мы же договорились.
- Никуда не пойдешь. Будешь мне служить!

На корабль в это время поднялись люди в военной форме, вооруженные короткоствольными мушкетами. «Таможня», – догадался Парамон. Он видел, как подошел капитан и на ломаном русском стал объяснять, что привез рыбу, восточные сладости, пряности и ткани. Один из таможенников спросил об оружии, золоте и гашише. Капитан замахал руками и нервно закашлял. Военные отправились в трюмы. Капитан подал едва заметный знак своему первому помощнику, который, как преданный пес, ловил каждое его движение. Парамон понял, что это его единственный шанс. Надо как-то предупредить военных.

Через вентиляционный люк он юркнул в трюм и спрятался за ящиками. Трюм осветился факелами, и послышались голоса. Таможенники медленно продвигались по трюму, освещая каждую полку. За ними по пятам тенью следовал помощник капитана. Группа приближалась к ящикам, за которыми прятался мальчик. Пока у военных не было никаких вопросов, и капитанский прихвостень был вполне спокоен, но по мере приближения к ящикам лицо его хмурилось, и рука все ближе придвигалась к ножнам на поясе. Парамон понял, что его беспокоит содержимое именно этих ящиков. Когда до них осталось не более двух саженей, помощник вдруг стал кричать и метаться, потом упал на дно трюма и стал кататься и рычать, как дикий раненый зверь. Таможенники бросились к нему, пытаясь как-то помочь. Один из них побежал вперед к лестнице, стал звать на помощь. Наверху послышались возбужденные голоса, по лестнице спустились матросы. Как только они подошли к упавшему, он сразу успокоился и затих. Его взяли за руки и ноги и поволокли к выходу. Один из таможенников шел впереди, освещая дорогу. Второй, чуть растерявшись, остался стоять. Он явно не знал, что ему делать дальше.

– Эй! – тихонько крикнул Парамон.

– Кто тут? – военный вскинул мушкет.

– Это я, Парамон.

– Какой Парамон? Откуда ты здесь?

– Я из плена от турчаков бежал.

– А сюда как попал?

– Договорился с капитаном, а он меня теперь не пускает.

– Как же тебе удалось? – несказанно удивился таможенник.

– Это длинная история. Помогите мне, пожалуйста.

– Да не отпустит тебя капитан, а выкуп нам ему платить нечем.

– А я вам секрет скажу. Они оружие везут. Я сам слышал. Посмотрите здесь, в ящиках.

– А ну, держи факел!

Парамон вылез из-за ящиков, схватил факел и поднес его ближе к полкам. Таможенник скинул с ящиков мешки, лежавшие сверху, сбил замки, открыл самый верхний. Там действительно лежали мушкеты, пистолеты, порох.

– Ну, парень, тебе повезло. Вот она твоя свобода!

Они вдвоем выбрались на палубу. Капитан что-то горячо объяснял таможеннику. Больной был уже бодр и весел.

– Пойдем, Кузьма. Здесь все чисто, – сказал таможенник, стоявший рядом с капитаном.

– Да не все. Покличь-ка ребят наших с лодки, пусть на борт поднимутся, да пушай пока-раулят ентих.

Раздался звук свистка. Таможенники поняли свою задачу и быстро поднялись на борт. Несколько военных спустились в трюм и через несколько минут поднялись на палубу.

– Капитан, Вы и ваша команда арестованы за контрабанду оружия. Все Ваши товары конфискованы в пользу государства Российского, – сказал старший офицер.

– А парня мы заберем с собой, – добавил Кузьма, радостно улыбаясь.

«Этого не может быть, все это не со мной», – думал Парамон, оказавшись на берегу. Слезы падали на песок, песок налипал на лицо, Парамон размазывал эту грязь руками и был счастлив, ему было все равно. Главное – он вернулся на родину, он дома. «Сколько лет я здесь не был?»

– Сколько лет ты не был дома, парень? – словно вторя его мыслям, спросил таможенник Кузьма.

– Семь годков без малого.

– А дом, семья у тебя есть?

– Дом, наверное, есть, здесь в Очакове, а семьи больше нет. Отца убили сразу, а мать и сестра где-то у турок. Нас разлучили, и я о них ничего не знаю.

- И куда ты сейчас? Домой?
  - Домой.
  - Ну, с Богом, парень. Ежели чего, приходи.
  - Спасибо. Ежели чего, приду.
- * * *

Парамон медленно пошел по знакомым улицам. Когда показалась крыша родного дома, сердце сжалось. Вот так когда-то, в той жизни, он шел по этой же дороге с моря, где рыбачил с отцом. Они шли вместе, также медленно обсуждали улов, а над знакомой крышей вился дымок. Это мама ждала их с котелком теплой пшеничной каши с маслом и краюшкой хлеба только что из печи.

Парамон сглотнул. Уже два дня как он ничего не ел, а воспоминания о маминых кулинарных способностях заставили его подумать о желудке. «Сейчас не до этого. Домой. Скорей домой. Семь лет прошло. Что меня ждет?» Мысли теснились в голове парня, рвались в разные стороны, металась от воспоминаний к реальности.

Уже дом был рядом, а Парамон всё больше нервничал, боялся поднять глаза и увидеть крышу собственного дома, вернее не крышу, а пустую крышу, над которой не вьется, не уходит в синюю высь дымок от маминого очага. Разумом он понимал, что нельзя надеяться на чудо, но всё-таки надеялся. А вдруг всё было страшным сном, а на самом деле сейчас поднимет глаза, и окажется всё, как было раньше.

Тихо, почти не дыша, парень подошёл к своему дому. Слегка покосившийся забор. Калитка. Собачья будка. Самого пса, его любимого Фрегата, не видно. Огромная чёрная дворняга когда-то прибилась к их дому ещё щенком. У него была перебита лапа, отрублен хвост и одно ухо. Он истекал кровью, долго не хотел пить и есть. Парамон с сестрой выходили его, выкормили, выучили охранять дом. Он так и остался всеобщим любимцем, хотя и охранником, надо отдать ему должное, был отменным. Сейчас Парамон не видел верного друга, и это перечеркнуло надежду на возвращение прежней жизни, как будто пес мог быть гарантом прошлого.

Вмиг всё рухнуло. Назад дороги нет и быть не может. Зря он дал себе слабину и разрешил надеяться, что прошлое возможно. Ведь он же прекрасно помнил, как убили отца, как забрали на турецкий корабль маму и сестру, а из рабства турецкого редко кто возвращается, особенно женщины. Это он знал не понаслышке. Правда, оставалась ещё бабушка... Но как её найти?

Так и стоял он у калитки, не решаясь войти в дом. В конце концов заставил себя, толкнул дверку, и она на удивление легко поддавалась, как будто петли специально недавно смазали. Вошел во двор, огляделся и замер от удивления. Огород совершенно не зарос, на нем даже что-то произрастало, в саду на деревьях зрели яблоки, абрикосы груши, на вьющихся лозах винограда созревали гроздья ягод. Ставни в доме были открыты. У Парамона затеплилась надежда. Он быстро взбежал по ступенькам, открыл дверь и оказался в доме. Здесь все было как прежде: в красном углу висели образа, под ними горела лампадка, всё было чисто, убрано, пахло хлебом. Даже печь была ещё чуть-чуть тёплой.

Парамон упал на колени перед иконами, разрыдался, перекрестился. Он помнил все молитвы, которым учила его мама. Как часто он повторял их в земле иноверцев! Глотая слёзы, Парамон молился, крестился, отбивал низкие поклоны, просил Заступницу, Спасителя, Николая-чудотворца о чуде.

Прошло довольно много времени. Парамон успокоился, прошёлся по дому. Всё находилось на своих местах: папина фуражка, удочки, мамина любимая чашка, гребешок, которым сестра убирала волосы, вот его, Парамона, деревянная пашка, которую выстругал ему отец. А вот платок, белый, цветастый, большой... Он не помнил такого ни у мамы, ни у сестры. Но он точно был ему знаком. Бабушка... Она была здесь! Что с ней? Знает ли она об их судьбе? Одни вопросы. Парамон тихо опустился на скамью у окна. Вдруг во дворе метнулась тень и залиvisto залаяла собака. Этот лай заставил сердце сжаться: «Фрегат!!!»

Парамон выскочил во двор. К нему кинулся огромный чёрный лохматый пёс без левого уха. Он отчаянно махал обрубок хвоста.

– Фрегат, Фрегатушка, дорогой! Ты откуда? Ты один?

Пёс прыгал, крутился, лизал Парамону лицо, повизгивал от радости. Хозяин уткнулся лицом в мягкую чёрную шерсть, вдыхал её запах и тихонечко плакал. Пёс почувствовал настроение хозяина и стоял неподвижно, чуть повизгивая и помахивая хвостом. В этом было что-то из прошлого, что-то необъяснимо сказочное.

– Фрегат, дорогой мой друг, но что же дальше?

Пёс будто услышал этот немой вопрос, он вдруг начал нервно водить мордой и тянуть хозяина в сторону калитки. Парамон хорошо знал характер своего любимца, поэтому сразу последовал за ним. Фрегат выбежал со двора и помчался по улице, непрерывно оглядываясь, идёт ли хозяин. Парамон шёл и удивлялся: куда ведёт его собака? Они прошли половину улицы, свернули и оказались около небольшого выкрашенного в белый цвет домика. Умный пёс похозяйски открыл мордой калитку и призывно взглянул на хозяина. Парамон немного смутился, но вошёл в чужой двор. Фрегат заливисто залаял, из дома вышла невысокая круглолицая женщина. Увидев Парамона, она долго щурилась, вглядываясь в гостя, потом всплеснула руками, охнула и в голос зарыдала.

– Парамоша! Боже сохрани! Боже Праведный! Ты? Как же это? Ведь тебя ж увели эти гады-бусурманы! Тебя, мамку, сестру разом увели, дома родного и кормильца лишили. Парамоша! О, Господи, спасибо Тебе! А ты чего ж стоишь, поди не помнишь меня?

– Не помню, совсем не помню.

– Да я же Тимофеевна, мамкина кума. Помнишь, я с гостинцами к вам приходила в Рождество, а вы с сестрицей любили в моём саду яблочки собирать.

Парамон стал вспоминать. Да, действительно, Тимофеевна была лучшей маминой подругой, часто бывала у них дома, они подолгу сидели с мамой, перебирали горох, чечевицу, варили варенье из абрикосов и были молодые и весёлые. Теперь понятно, почему он её не узнал. Как же постарела эта добрая женщина за эти семь долгих лет.

– Да, я вспомнил. Вы просто немного... изменились.

– Ха-ха! Немного изменилась! Да, не стесняясь, говори, как есть. Я сама вижу, ничего от бывшего не осталось. Я ведь тоже одна осталась, вот уже пять лет, как одна. Столько пережила... Да, чтой-то я, дура старая, держу тебя во дворе. Проходи, милый мой. Как же ты вырос. Я тебя накормлю, помойся-ка пока. Сымай свои обноски, щас подыщу тебе чего-нибудь. Тут от мужа маво кой-чего осталось.

Тимофеевна сутилась вокруг Парамона, всё что-то говорила.

– Скажите, Тимофеевна, а о моей бабушке ничего не известно?

Женщина вдруг резко остановилась, горшок с кашей, который она вынимала из печи, так и остался висеть на ухвате.

– Парамоша, ты сядь, покушай, а я тебе всё по порядку расскажу, – через некоторое время сказала она.

Пшеничная каша, его любимая! Сколько бы он отдал там, у турок, чтобы хоть раз вдохнуть этот запах и отправить в рот золотистую с маслицем еду. Тут Парамон очень остро почувствовал, как сосало под ложечкой, даже начало подташнивать от голода. Парень накинудся на еду и не мог оторваться. Тимофеевна даже испугалась, не стало бы ему плохо. Но Парамон не остановился, пока не доел до конца, краюшкой хлеба подчистил горшок, запил молоком и глубоко удовлетворённо вздохнул.

– Спасибо. Я так давно не ел такого. Я помню, как мама вкусно готовила.

– Ну, теперь слушай, сынок. После того, как с вами случилась беда, я пришла к вам. Турки оставили город. Несколько дней перед этим они уничтожали всё, что могли, уводили в плен всех подряд, кто сопротивлялся, тех убивали, как твоего отца. Как нам удалось выжить, одному

Богу известно. Мой муж, ты помнишь, наверное, был рыбак, так вот он был в море. Это его и спасло. Я в это время на ярмарку уехала, рыбку вяленую продать. Дома одна дочь осталась. Так она, умница, в подпол спряталась и там три дня сидела. Турки-то, никого не найдя, дом спалить хотели, да только крыша и сгорела. Мы потом быстро новую постелили. Ой, да что-то я всё о себе. Тебе же не это интересно. Так вот. Я к вам в дом сразу побежала. Прихожу, на дворе Фрегат воет, в доме батюшка твой убиенный уже смердит и боле никого. Хорошо, соседка ваша, бабка Пелагея, рассказала всё, что видала. Она старуха древняя, её турки не тронули, так она в огороде пряталась и всё видала. Батюшку тваво, Степана, мы с мужем, как смогли, похоронили. Упокой, Господи, его душу! А Фрегат с могилы пришёл и на крыльце лёг. Так и пролежал целных две недели. Я уж ему и поесть-попить приносила, а он ни к чему не притронулся. К себе звала, не идёт. Жаль стало пса, не пропадать же ему. Так я из вашего дома твою вещицу прихватила, дала ему понюхать и с собой позвала. Он, видно, сомневался, да я ему пообещала, что как только кто из вас появится, он сразу вернётся. Умный пёс, поверил, пошёл. Но, каждый день в одно и то же время на ваш двор приходил, ложился и поскуливал. Всё ждал. А я как видала, так у меня сердце кровью обливалось. Вот ведь, животина вроде неразумная, а верность какая.

– Да что Вы! Фрегат- он очень умный, он всё понимает.

– Да, видать живность-то она умнее, чем мы думаем. Так вот, однажды пёс вернулся не один, а с твоей бабушкой. Она рассказала, что ей сон нехороший приснился, так она попутного обоза дождалась и с ним скоренько поехала, предупредить хотела об опасности, да опоздала. Мы с ней на могилку к батюшке твоему сходили, поплакали. Она осталась в вашем доме, а с ней и Фрегат в дом вернулся. Она всё не верила в то, что произошло, всё ждала, что вернетесь, а с ней и верный пёс ждал, тосковал. Ох, милок, не дождалась она тебя только месяц. Месяц прошёл, как преставилась Прасковья Никитична. Царствие ей Небесное, земля ей пухом! Фрегата же я опять к нам позвала. А перед смертью Никитична строго-настрого наказала мне дом в порядке содержать, печку топить, за огородом следить, чтобы вам хозяйство оставалось в сохранности. Верила, что вы вернётесь. А ведь и преданный пёс верил всегда, иначе тебя бы не привёл. Вот так я на два дома, как Фрегат, и живу.

Тимофеевна перекрестилась, пустила слезу:

– Похоронила я её рядом с батюшкой твоим.

– А можно я к ним на могилку схожу? Вы меня проводите?

– Конечно, милый. Ты сегодня отдыхай, а завтра пораньше тебя разбуду, и пойдем поклониться родственникам твоим, да и моим заодно.

– Тимофеевна, а с Вашими-то что случилось? Вроде вы турок пережили.

– Пережили, да не пережили, милок. Доча моя после подпола-то сильно захворала. Бабка Нюра, может помнишь, знахарка наша, пользовала её, пользовала, да всё не помогло, преставилась, бедолага. Похоронили мы кровиночку нашу, да вдвоём с мужем остались, больше-то нам Господь детишек не даровал, видать, грех какой на нас лежит. Одну дал, да и ту прибрал. Ох, грехи наши тяжкие! А муж мой, Петруша, в море выходил с артелью, рыбачил. Однажды возвращались они домой, да на турок нарвались, те весь улов забрать хотели, но Петруша на рожон полез, отдавать не хотел, дак зарубили его янычары поганые, оставили меня вдовою, без кормильца.

– Как же Вы теперь, Тимофеевна?

– Да как, огородец кормит, да солдатушкам помогаю, постирать что, подремонтировать. Мало-помалу копеечка на жизнь капает. Ну, ладно, милок, утро вечера мудренее, ложись, отдыхай.

* * *

Утром Парамон проснулся до зари, он так привык. В плену у турок он вообще спал мало, там особо не разоспишься. Ещё он удивился, что не помнит, как вчера уснул, видно, сон смо-

рил его сразу. Несмотря на раннее утро в доме пахло свежим хлебом. Тимофеевна тихонечко колдовала у печи.

– А, проснулся, милоч. Ну, давай перекусим, да тронемся.

Они собрались и пошли на кладбище. Фрегат бежал рядом с Парамоном. Пес вообще ни на минуту не оставлял своего молодого хозяина.

На могилах отца и бабушки Парамон дал волю чувствам. Рядом с дорогими могилами лег и тихонечко заснул верный пёс. Тимофеевна решила не мешать, ушла к своим. Парамону хотелось что-то сказать, но слов не было, только «Господи! Господи! Господи!». Юноша понимал, что этот огороженный кусочек земли – единственная точка на свете, которая наполняет его воспоминаниями о его счастливом детстве, о дорогих ему людях, точка, к которой будет рваться его сердце. Сюда он будет стремиться всегда, если ему суждено будет уйти в другие края. Это единственное, что осталось у него в жизни. Правда, где-то там, у турок, его мама и сестра. Неизвестно, живы ли... Как они там? С женщинами безбожники особо не церемонились, особенно с пленными, но надежда была. Парамон поклялся отцу, что найдет мать и сестру живыми или мёртвыми, поправил покосившийся крест и медленно пошёл обратно. Рядом трусил верный Фрегат.

Вернувшись в дом, Парамон поблагодарил Тимофеевну за гостеприимство, окликнул Фрегата и отправился к себе. Легче от родных стен не стало, только хуже. Всё здесь напоминало о близких и безоблачном детстве.

Через три дня решение созрело твёрдо. Дома делать нечего, надо жить дальше, попробовать найти дело, которое поможет отвлечься от грустных мыслей.

Так он оказался в армии. Знакомые военные на таможне представили юношу начальству. Он был принят рядовым на должность толмача, поставлен на довольствие. Толкового мальчишку начальство заметило сразу, иногда ему давали особые поручения, с которыми он мастерски справлялся. Дабы не дать Парамону Синице закиснуть на таможенной службе, полковник Нестеренко откомандировал его в полк, стоящий рядом, снабдив рекомендательным письмом к командиру, подробно описав все его заслуги. Так Парамон оказался в разведке. Фрегата пришлось взять с собой, так как пёс ни в какую не соглашался снова терять хозяина.

Можно много и долго рассказывать о подвигах и приключениях молодого разведчика и его верного пса Фрегата, о наградах, полученных Парамоном за выполненные задания, о славе умного, бесстрашного и удачливого воина, но это уже совсем другая история. Скажем только, что Парамон сдержал клятву, данную на могиле отца, и, выполняя очередное задание на чужой территории, сумел одновременно спасти дорогих его сердцу мать и сестру, а за подвиг, совершённый во время этого рейда, был представлен к офицерскому званию, получил его и одновременно дворянский титул.

* * *

Обо всём этом Загряжский узнает позже. А теперь он просто доверился рекомендации друга. Когда за подпоручиком закрылась дверь, Загряжский тут же о нём забыл. Его сегодня ждала важная встреча, он даже не подозревал, насколько важная.

Глава 6

По дороге в полк Ивану Александровичу не давала покоя мысль о прекрасной Ульрике. Их связывал только один разговор, но он каким-то непостижимым образом чувствовал, что связал на всю жизнь. Да, она замужем, у неё ребенок, но это совсем не останавливало полковника. Можно, конечно, сказать о том, что подобный расклад никогда не останавливал полковника в отношении понравившейся женщины, но на сей раз, в его чувстве было что-то другое. Он часто думал об Ульрике, думал и ловил себя на мысли о том, что думает о ней не так, как обо всех других многочисленных своих пассиях. Эта женщина была для него не объектом

плотского вожделения, а неким божеством, тайной, ЖЕНЩИНОЙ. Однажды, грешным делом, полковник представил, какие бы красивые у них могли быть дети.

В полку, на счастье, всё было спокойно, поэтому Загряжский довольно быстро освободился и отправился в центр города, в сторону парка. Времени до встречи оставалось достаточно много, и Иван Александрович решил зайти в трактир, принять игристого, успокоить нервы.

Около полудня полковник был уже в парке. Надо было чинно прогуливаться, чтобы не возникло сомнений, что встреча с Ульрикой произошла случайно. Но Загряжский долго не мог взять себя в руки и всё время оглядывался, крутил головой, искал её глазами. Народу было немного. Рядом по дорожке прошли две пожилые дамы с маленькой мохнатой собачкой. Дамы оживлённо беседовали, а, заметив красавца-полковника, кокетливо улыбнулись, обнажив редкие зубы. Загряжский шарахнулся в сторону. Общаться со старушками совершенно не входило в его планы. Парк был не очень большой, но с достаточно густой растительностью, поэтому сразу заметить нужного человека было сложно. Роскошные кусты жимолости скрывали большую часть дорожек парка. Это обстоятельство, однако, нисколько не расстроило полковника. Он знал, что рано или поздно они встретятся, так как все дорожки парка сходились в одном месте, у фонтана в античном стиле. Центром композиции была фигура богини Венеры. Её окружали цветы, ветки оливы. Вода нежными струями спадала из огромной морской раковины. Что-то особенное было в этой фигуре, взгляд Загряжского всё время возвращался к ней, оторваться от созерцания было невозможно. Вдруг как будто от фонтана отделилась его часть. Загряжский тряхнул головой, чтобы избавиться от видения. Видением оказалась знакомая фигура, фигура Ульрики фон Поссе. Фигура скользила, парила над землёй, и было чувство, что всё вокруг остановилось, даже ветерок затаился в нерешительности где-то за соседним дубом, птицы замерли в полёте, звуки умерли. Загряжский поймал себя на мысли, что перестал дышать.

– О, полковник, здравствуйте. Очень рада Вас видеть. Какая неожиданная встреча. Гуляете?

Ульрика помахала рукой, и полковник двинулся к ней, звонко цокнул каблуками и поцеловал руку.

– Да, вот вышел. Погода... хорошая, – заикаясь проговорил Иван Александрович.

– Вот и хорошо. Составьте мне компанию, сударь.

– С удовольствием.

Спектакль был разыгран великолепно, даже если за ними кто-то и наблюдал, точно не усомнился бы в неожиданности этой встречи.

Уже тише Ульрика сказала:

– У нас мало времени, полковник. Сразу к делу. А дела у Вас прямо скажем, неважные. Бежать Вам надо и быстрее.

– Но...

– Не перебивайте. Я слышала один интересный разговор. Гольдберг интересовался у моего отца, как можно незаметно лишить жизни человека, который будет бороться за нее до конца. Более того, это личность известная в определенных кругах и его смерть не должна вызывать подозрений. Отец был испуган, просил Гольдберга, чтобы тот не обращался к нему с такими вопросами, говорил, что он всегда имел репутацию благонамеренного и добропорядочного человека при дворе. И у меня есть все основания предполагать, что это они о Вас говорили, полковник.

– Но почему обо мне? Это может быть кто угодно.

– Нет, не может. Вы мне не верите, и это понятно, но поймите, я знаю, что говорю. Я давно знаю Гольдберга и его отношения с моим отцом. Я, можно сказать, выросла на руках барона. Он мне доверяет, точнее не видит во мне никакой опасности. Я часто присутствую при его разговорах с кем-либо, а тем более с моим отцом.

– Зачем Вы мне всё это рассказываете? Какое это отношение имеет ко мне?

– Не торопите меня, полковник. Я хочу, чтобы Вы поняли, что я не истеричная нервическая особа. Поверьте, я не стала бы рисковать, встречаться с Вами, если бы действительно не было опасности для Вас.

– Но почему Вы хотите мне помочь? Я чужой Вам человек. Вы готовы пойти даже против собственного отца, чтобы спасти мою жизнь.

– Хорошо, я попробую объяснить Вам. Мой отец сделал всё, чтобы воспитать меня достойно. Мне дали хорошее образование. Но мне никогда не нравились масонские секреты, которые окружали меня с детских лет. В четырнадцать лет я влюбилась. Это были взаимные чувства. Я стала мечтать о замужестве, но отец категорически запретил. Потом я узнала, что на этом настоял Гольдберг.

– ..?

– Я тоже терзалась догадками, зачем же ему это нужно. И только недавно нашла ответ. Но обо всём по порядку. Я не могла послушаться отца. Но разлука с любимым стала для меня трагедией. Позже я узнала о судьбе моего «Ромео». Он женился по велению своей матери, у него родилась дочь, но, не прожив месяца, умерла. Потом умерла его мать, которую он очень любил. Вскоре он узнал об измене жены, дрался на дуэли с соперником, убил его, затем убил её, а сам сгнил на каторге. Я до сих пор прошу Господа о прощении его и его домочадцев, а себе не могу простить, что не смогла убедить отца и всё так получилось. Через два года после этого отец нашёл мне жениха, я полагаю, по рекомендации Гольдберга. Сначала было всё равно, думала, что уже никого больше не полюблю. А затем... Не порицайте меня, очень хотелось жить, быть счастливой, быть любимой. Жених – блестящий гусар, красив, шутка ли сказать, родственник самого Барклая-де-Толли, в родне все герои, полон любви и заботы, кругом все завидуют, показалось, что смогу полюбить... Через некоторое время меня отдали за него замуж. Так я стала баронессой фон Поссе. А потом... Ах, всё рассыпалось в прах... Не хочу говорить... Больно! Но когда я впервые увидела Вас, то подумала, что, возможно, жизнь для меня ещё не кончена. А Гольдберг после моей свадьбы стал делать мне разные намёки, грязные намёки. Вот Вам и ответ на вопрос: почему он расстроил первый возможный брак. Он прекрасно знал характер и темперамент моего любимого, а также то, что тот презирал его, и, конечно же, мог предположить свою участь в случае, если бы мой возлюбленный узнал о его поведении в отношении меня.

– Вот мерзавец! А что же Ваши отец и муж?

– Да ничего. Я рассказала, но они о нём такого высокого мнения, что пытаются меня убедить в том, что это «мои фантазии, мне показалось, я неправильно поняла, у него ко мне исключительно отцовские чувства».

– А Вы? Вы дали ему понять, что он наглец?

– Не просто дала понять, я даже посмела дать ему пощёчину.

– И что же он? Мне кажется, что этот человек такого не прощает.

– Вы правы, полковник. Не прощает. Он намекнул мне на то, что если я не изменю своего поведения, то он, используя свои связи, сделает так, что моего мужа отправят туда, где я не то, что развлечусь, помыться-то смогу только летом в местном озере, а зимой не выйду из дома, потому что замело дверь. Потом мой муж неожиданно погибнет, как герой, разумеется. А меня местная шантрапа пустит по кругу. Честь не в счёт. Жизнь бы сохранить.

– Какая пакость! Я человек военный, много в этой жизни повидал, но такое я даже представить не могу. Как же это подло и низко: угрожать хрупкой женщине, тем более дочери своего друга.

– Гольдберг тоже думает, что я хрупкая, слабая несмышленная женщина, которая себе не представляет жизни без шикарных платьев, балов и пудры, но я не такая. Он очень ошибается на мой счёт. У меня есть план, и Вы мне в этом поможете. Я уйду вместе с Вами, полковник.

– ???!!!

– Я понимаю, Вы не ожидали. Не бойтесь, я не буду Вам обузой. И поймите, Вы мне симпатичны, я даже ловлю себя на мысли о том, что у нас могли бы получиться красивые дети, – с шутливой улыбкой сказала Ульрика, – Вы не против?

– Не против побега или не против детей? – лукаво в ответ улыбнулся Загрязский.

– Ха-ха! Вы ещё и шутник. И того, и другого.

– Вы знаете, какое совпадение, я тоже ловлю себя на той же мысли.

Глава 7

Парамон Синица, получив от полковника карт-бланш, решил действовать незамедлительно. Первое, что необходимо было сделать, это переодеться, его военный мундир был слишком заметен в небольшом городе Дерпте. На местной барахолке он подобрал штаны, похожую на крестьянскую свободную рубаху, картуз. Обувь решил не брать, так как его образ предполагал принадлежность к низам, а те летом обувь не носили. А образ был, собственно, близок подпоручику: это его прошлая жизнь в плену. Вдруг вспомнилось детство, лица родителей, любимые запахи... Комок подступил к горлу, предательски дёрнулись веки. Вспоминать не хотелось, но не вспоминать было невозможно. Только память, единственное, что объединяло его с семьёй, что давало силы жить. Парамон выбрал путь военного, как отец, а это, значит, в память о нём надо служить честно и с полной отдачей, надо сделать то, что не успел отец. Ещё, не мешало бы жениться, годы идут, а он всё бобылем живет. Всё так, да не послал пока Господь половинку. Подпоручик еще минуту постоял, потом тряхнул головой, совсем как Фрегат, верный друг, верой и правдой служивший своему хозяину всю свою пёсью жизнь, и сам тепло улыбнулся этому сравнению.

Надо было действовать. Задание было непростое, так как дело надо было иметь с женщиной, а это всегда непредсказуемо и, зачастую, совершенно нелогично. У женщин, как известно, сильно развита интуиция, какое-то шестое чувство. Представительницу этого «слабого пола» невозможно просчитать, а она легко, на уровне чувств, может сначала заподозрить, а потом и разгадать собеседника. Парамон хотел было разработать сценарий действий, но потом решил, что это бесполезно. В конце концов, сначала надо добраться до означенной особы, а там видно будет.

Добраться было непросто. Необходимо было её разыскать. Город хоть и небольшой, но вариантов поиска было много. Ольга могла остановиться в апартаментах, тогда ему это было бы на руку, а могла, вероятнее всего, учитывая её связи, гостить в доме у кого-то из местной знати. Если она в апартаментах, то подобраться к ней будет проще, если же проживает у кого-то, сложнее. Но ничего невозможного нет.

Доходный дом с апартаментами принадлежал человеку, широко известному в городе, самому генерал-губернатору Овчинникову. Когда-то его построил немецкий купец Корф, наивно думая, что этот доходный дом будет приносить прибыль, но будучи иноземцем, Корф не учёл местных особенностей. Законопослушный немец отказался платить мзду лично генерал-губернатору. В результате дом был у него отнят, а суд, в который он обратился, по понятным причинам ничего решать не стал. Оскорбленный немец уехал домой и пообещал больше в эту варварскую страну не возвращаться. С тех пор доходный дом с красивым названием «Карл Великий» получил в городе прозвище «Корфова задница». Именно в «Корфову задницу» и отправился Парамон.

Здание доходного дома стояло на центральной улице города и резко отличалось от остальных строений. Оно было выше, покрыто ярко-красной черепичной крышей, окрашено в позитивно зелёный цвет. Каждая деталь фасада была продумана до мелочей, всё радовало глаз и создавало романтическое настроение. «Могла ли здесь остановиться такая женщина, как

Ольга?» – подумал подпоручик. Если бы он знал её хорошо, то сразу определил бы это. Но он её совсем не знал, а поэтому придётся действовать вслепую. Подойдя к подъезду, Парамон натянул картуз, откашлялся, принял нерешительный вид и вошёл. Человек за конторкой поднял глаза, увидел вошедшего, который явно не подходил к числу потенциальных клиентов, нахмурился и собрался уже выгнать попрошайку, как тот заговорил:

– Уважаемый! Простите за вторжение, я не задержу Ваше внимание надолго.

– Чего тебе нужно? – удивился портё. Для попрошайки этот слишком складно говорит.

– Видите ли, я служу одному господину, который очень сильно влюблён. Его возлюбленная великолепная женщина, сказочно красивая и умная. Она приехала к нему сюда, но они поссорились. Она обиделась и сбежала. Мой господин очень переживает, он хочет вернуть её.

– Ты зачем мне всё это говоришь? Чего тебе надо? Не понимаю.

– Господин, простите меня, простите! Я просто хотел...

– Хватит болтать, голова от тебя болит. Чего тебе надо? Говори быстрее и уходи. Ты своим видом всех клиентов распугаешь.

– Господин, прошу Вас, передайте ей письмо, – Парамон вытащил из кармана слегка помятый белый конверт, – от моего господина. Он очень переживает, поверьте, очень.

– Какое письмо? Кому? Да, объясни же ты, наконец.

– Ну, вот же, видите конверт. Это ей.

– Да кому ей, черт возьми?!

– Да ей, Ольге.

– Какой Ольге, идиот?

– Мадмуазель Ольге Алексеевой.

– Алексеевой? Здесь такой нет.

– Как нет? Вы убиваете меня! Она что, съехала? О, бедный господин! Уехала, сбежала!

– Да нет же. Её тут и не было. А с чего ты взял, что она должна быть здесь? Мало ли где она остановилась?

«Как ты прав, мой друг, – подумал Синица, – вот это-то я и собираюсь узнать».

– Ну, она сама сказала. Мой господин спросил: «Где ты остановилась?» Она и ответила: «В заднице».

– Что?!

– Извините, господин, извините ради Бога! Но всем известно, что именно Ваши апартаменты называются «Корфова задница».

– Вон отсюда, идиот! Вон! Нет здесь никакой Ольги, и не было! Я тебе дам «задница»! Ты у меня получишь «задницу»!

Служащий всё ещё бубнил что-то себе под нос, а Парамон уже пятился к выходу и, кланяясь, твердил:

– Как же? Где же я теперь её найду? Что же делать? Бедный господин!

Оказавшись на улице, Парамон глубоко вздохнул, распрямил плечи, оглянулся по сторонам и уверенно зашагал вперёд. План созрел в голове давно, но надо было торопиться: время шло, а результата не было. Скорым шагом подпоручик оставил позади пару улиц и оказался около невысокого побелённого домика, на фасаде которого красовалась явно нарисованная рукой художника надпись «ПОШТА». Парамон поправил рубаху, чуть набок сдвинул картуз и решительно вошёл внутрь. В маленькой тесной комнатке сидел абсолютно рыжий мужчина средних лет, бровей и ресниц у него не было видно совсем, зато всё лицо было усыпано веснушками. Парамон невольно улыбнулся. Так поразительно выглядел этот человек. Рядом с мужчиной на столе высилась стопка писем, стоял кувшин с молоком, лежало полкраюхи хлеба и картофеля. В рот почтарь отправил яйцо и теперь тщательно его пережёвывал. Повисла пауза. Тишину нарушил тихий, но настойчивый писк. Только сейчас Парамон почувствовал, что об его босую ногу трётся что-то мягкое и тёплое. Он опустил глаза и увидел крошечный

комочек абсолютно рыжего цвета, который пищал и тыкался в парамонову ногу. Подпоручик поднял его и увидел, что глаза у него почти золотистые, а носик розовый. Котёнок ткнулся носом в руку, и Парамон ощутил прохладу. Мохнатые рыжие лапки заканчивались белыми носочками. Комочек подмигнул своим золотым глазом и состроил очень озорную мордашу. Подпоручик перевёл взгляд на почтаря, тот дожевал, наконец, яйцо и, молча, наблюдал сцену. Вдруг Парамон захохотал, громко в голос: выражения лица и морды этих двух рыжих были совершенно одинаковы. Два маленьких солнышка в тесной, тёмной комнатке, они не выглядели чужеродно, воспринимались здесь совершенно естественно, радовали глаз и поднимали настроение. «Хороший знак», – подумал Синица.

- Тимоха, – вдруг сказал почтовой.
- Парамон! Очень приятно!
- Не, он Тимоха, а я Кузьма.
- Здравствуйте, Кузьма. Я к Вам по делу.
- Чем могу?

Парамон решил действовать напрямую: «Этому врать бесполезно, но от вознаграждения он не откажется». Рыжие, как смог заметить Синица, как правило, хитрые и небескорыстные, но это даже хорошо: не надо придумывать слезливых историй. Деньги же у Парамона были в достатке.

- Вы, я вижу, человек серьёзный и своё дело знаете.
- Да уж, не впервой, год здесь служу. Начальство хвалит.
- Ну, тогда именно Вы мне и сможете помочь.
- Не знаю, смогу ли. А что случилось?
- Женщина приехала в Дерпт несколько дней назад из Петербурга. Зовут Ольга Алексеева. Мой хозяин очень расстроен. Они поругались, она ушла.
- Погодите-погодите. Очень знакомое имя. А ну-ка, минуточку. Кузьма схватил стопку писем и быстро начал их просматривать.
- Вот оно, вот. Да, есть адрес, пришло из Петербурга вчера ещё.
- Ну, говорите скорее.
- Парамон, а ты ничего не зыбыл? – хитро прищурил глаза почтовой.
- Ах, да...

На стол перекочевало несколько купюр.

– Не понимаю я этих влюблённых, – неожиданно произнёс Кузьма, когда Парамон протянул руку за конвертом, – сколько проблем из-за этой любви: поругались, помирились, столько денег потратили, а всё зачем?

Парамон так и застыл с протянутой рукой.

- Зачем? – продолжал мужчина. – Вот твой хозяин зачем её ищет, Ольгу эту?
- Ну, как зачем? Он же любит её. Они поссорились, он чувствует себя виноватым.
- Вот видишь, еще и виноватым себя чувствует. Любит?! Ерунда всё это. Нету её, любви этой. Нету, и не было никогда.

Подпоручик понял, что скоро ему не уйти, почтовой явно хотел поговорить. Эта тема его сильно угнетала, и пока не выговорится, письмо не отдаст. «Ну, что ж, будем разговаривать, может, получится уболтать его побыстрее».

– Кузьма, ты не прав, – незаметно перейдя на «ты», продолжил Парамон, – миллионы людей тысячи лет любят, страдают ради любви, совершают подвиги во имя любви, даже умирают из-за неё. Сколько стихов написано, сколько песен спето. Любовь движет миром.

«Ничего себе я загнул?» – подумал Парамон.

– Это всё высокие слова, – откликнулся почтовой. – Любовь – это миф. Нету её. Люди сами себе эту сказку придумали.

- Придумали? Зачем?

– Как зачем? Так жить легче. Любую глупость можно оправдать, любую бредовую идею.
– Легче? А безответная любовь – это легко? Любовь, ради которой идут на эшафот – это легко?

– Если идут, значит так надо. Значит, в этом выход душе. Какая разница, ради чего идти на эшафот. Не ради любви, так найдут замену. Дуэлянты ведь тоже сражаются не ради идеи, как таковой, а ради эмоций, ради того чувства, с которым это связано.

– Нет, Кузьма, я с тобой не соглашусь. Любовь ведь разная бывает, не только между мужчиной и женщиной. Есть любовь к ребёнку, к матери, к Родине, в конце концов. Мать не пойдет просто так на смерть ради эмоций. Наоборот, она будет хранить себя ради ребёнка. Но если ради чада надо пожертвовать собой, любящая мать сделает это, не задумываясь.

Парамон взглянул на Кузьму и проглотил слова, которые хотел сказать дальше. Мужчина сидел неподвижно, и прозрачный ручеек быстро стекал по его щеке. Подпоручик, человек военный, видел много мужских слёз, но это часто были слёзы боли или потери. Что-то творилось в душе у почтового.

– Послушай, Кузьма, а ты любил когда-нибудь?

– Я? Любил?! Что ты знаешь об этом?! Я... Я любил!

Кузьма заговорил быстрее. Слёзы теперь просто хлынули из глаз.

– Да, я любил, я очень любил. Я боготворил её, – он бормотал глухо и невнятно, Парамон скорее разбирал по губам, чем слышал, – я не мог без неё жить. Я думал, умру, если её не будет. И я умер. Всё – меня нет.

Кузьма продолжал бормотать и, утираясь кулаком, глотать слёзы. Парамон решительно зашёл за конторку, зачерпнул в бадье воды и поднёс ковш Кузьме. Мужчина, всхлипывая, начал жадно пить, обливаясь холодной водой. Видимо, это его освежило. Он пришёл в себя, и взгляд его стал более осмысленным. Теперь с ним можно было говорить.

– Послушай, Кузьма, я не хочу беречь твоих чувств, но всё же, может, расскажешь, что у тебя произошло? Кто знает, возможно, полегчает?

– Легче мне уже не станет. Эта история лишила меня возможности радоваться жизни, да и, вообще, жить. Я ведь, думаешь, на почте чего сию? Убежал от всех. У меня ведь образование есть, я в Пруссии языкам учился. Толмачом долгое время подвизался. Да судьба моя всё перечеркнула, проклятая.

– Что же всё-таки случилось? – Парамон нервно поморщился, ситуация обещала затянуться.

– Она меня предала. Она не любила меня никогда. А я её боготворил, – Кузьма опять захлюпал и забормотал.

Парамон понял, что так он ничего не добьётся:

– Ну, ладно, я тогда пойду, раз ты говорить не хочешь. Не буду тебе душу беречь.

– погоди, друг! Да, правда, очень неприятно об этом вспоминать, но мне уже давно не с кем об этом поговорить.

– А ты хочешь поговорить? Зачем тебе об этом вспоминать? Сердечные раны долго заживают, но рубец остаётся навсегда. Зачем ты хочешь беречь рану опять?

– Понимаешь, я убежал от неё, из родительского дома убежал, но не от себя. Я ведь в случившемся виню только себя. Если она так поступила, значит во мне что-то не так.

– ?!..

– Да-да, извини. Ты же ничего не знаешь. Обо всём по порядку. Я родился и вырос в семье врача. Наш дом находился в Турове. Отец мой пользовал все окрестные сёла, и жили мы неплохо. Мне взяли учителя, месье Дюфре. Этот француз обучил меня наукам и языкам. Отец скопил сумму денег и отправил меня в Европу. Два года я жил в Гамбурге. Там я познакомился с одним русским. Он выполнял некие поручения тайного характера. Он и предложил мне сопровождать его в его миссии. Я знал языки тех стран, где он как раз чаще всего пре-

бывал. Назвался он князем Шаховским. За услуги предложил мне очень неплохое вознаграждение. Я, конечно, согласился. Мне, мальчишке, такая перспектива очень льстила. Если бы я тогда знал, чем это обернётся!

Целый год мы ездили по Европе. Много насмотрелись, иной раз, едва ноги уносили. Пережили любовные приключения, дуэли. Были ограблены и жестоко избиты, но всё это ничто по сравнению с моим несчастьем.

Когда мы вернулись в Россию, князь пригласил меня к себе погостить ненадолго, отдохнуть, завязать полезные знакомства. Я согласился. Через несколько дней мы были в великолепном имении. Неделя пролетела незаметно. Пришло время возвращаться в родные пенаты.

Вернувшись домой, я был поражен тем, что ждало меня там. К месье Дюпре приехала дочь, звали её Элиз. Она была красавицей, от роду ей было шестнадцать лет. Я много женщин повидал в Европе. Даже стыдно сказать, болел срамной болезнью из-за юношеской неразборчивости, но фигура Элиз не шла ни в какое сравнение ни с одной из виденных мной красавиц. Надо ли говорить, что я сразу влюбился. А когда мне удалось с ней поговорить, и она продемонстрировала свой тонкий ум и образованность, я был очарован совершенно. Родители встретили меня горячо. Им не терпелось поговорить, расспросить, рассказать, просто смотреть на сына, но я был невменяем: ничего не видел, ничего не слышал, отвечал невпопад. В голове у меня были только мысли о ней. Я искал любую возможность остаться с ней наедине.

Надо сказать, что девушка тоже оказывала мне знаки внимания. Я ловил на себе её взгляды. Сидя рядом за столом, она касалась своей рукой моего колена. Можешь себе представить, что чувствовала моя молодая плоть. Но на что я мог надеяться, даже думать об этом было неприлично. Я довольствовался теми редкими минутами, когда после обеда в гостиной шла неспешная беседа, и мы с Элиз часто садились близко на диванчик, едва касаясь друг друга коленями. Но однажды случилось то, о чём я даже мечтать не мог. После ужина я вышел в сад подышать свежим воздухом. Медленно шёл я по дорожке вдоль кустарника жимолости. В голове теснились мысли, надо было как-то разобраться с самим собой. Вдруг из-за кустов я услышал своё имя:

– Кузьма, – шёпот сразу унесло лёгким вечерним ветерком.

Я замер. Мне, наверное, послышалось. Но шёпот повторился:

– Кузьма, иди сюда. Это я – Элиз.

Я ломанулся через зелёную изгородь. Там стояла она. Нежный румянец играл на её щеках, грудь вздымалась, в глазах играли чёртики.

– Что Вы здесь делаете? – спросил я у Элиз.

Девушка подошла ближе, потом вдруг метнулась как кошка, обвила мою шею руками и впилась в мои губы страстным поцелуем. О, друг мой, это было что-то необыкновенное. Ни один поцелуй, который я знал раньше, не имел ничего общего с этим. Голова моя закружилась, земля стала уходить из-под ног. Ещё секунда, и мы упали бы вместе, но тут она отпрянула, улыбнулась и побежала к дому. Я попытался догнать её. Мне казалось, что теперь мы имеем полное право появиться в гостиной вместе, держась за руки.

– погоди, не время, – сказала она, убегая.

Ты не представляешь, что я чувствовал в тот момент. Время остановилось для меня. В доме маменька что-то говорила мне, но я только тупо кивая, пошёл в спальню, искал глазами Элиз, хотел видеть её, чувствовать её запах, но её нигде не было, и я лёг спать. Сил не было. Дом успокоился, погрузился в сон. Звуки стихли, тишина стала оглушительной. Долго ворочался я на постели, думая, вздыхая, опять думая. Хотел встать, чтобы почитать книгу, но сразу распрощался с этой затеей. Не сразу заметил, что в комнате стало светлее. Я посмотрел в окно и увидел там полную луну, она как будто улыбалась мне во всю свою ширину. Но свет был не оттуда. Я оглянулся: у двери со свечой в руках стояла она. В длинной белой рубахе, простоволосая, освещенная божественным светом, Элиз была прекрасна. Шёлк струился по её телу и

красноречиво подчёркивал её великолепные формы. Я вскочил с постели, подошёл к ней, хотел поцеловать, но замешкался, я не знал, как она к этому отнесётся. Мне казалось, что она ангел, а его нельзя осквернить своими плотскими желаниями. Но тут ангел задул свечу и потянул меня за руку к ложу. Не успел я сообразить, что происходит, как был немедленно ослеплён. Передо мной стояла совершенно обнажённая Элиз. Освещённая лунным светом, она казалась нереальной, неземной, космической. Приблизившись ко мне, девушка начала гладить меня по голове, по лицу. Её руки плавно опускались всё ниже и ниже. Я не знал, что мне делать, я, честно говоря, струсил. Я был обескуражен, но плоть оказалась сильнее меня. Я сорвал с себя мешавшую рубаху, и вот мы оба, как Адам и Ева, оказались в первозданном виде. Секунду мы смотрели друг на друга, а из окна на нас смотрела и улыбалась Луна. Поцелуй последовал незамедлительно. Я был уже искушённым в любовных делах, но то, что я чувствовал сейчас, было абсолютно новым, неизведанным. Я иначе в своих мечтах представлял себе нашу первую близость, и это очень отличалось от того, что происходило с нами в тот момент. Я не знал, правильно ли я делаю, но точно знал, что назад дороги нет, что я никуда её не отпускаю. Я очнулся, когда мы уже лежали на постели. Мне показалось, что я сильно прижал её, что ей больно. Элиз тяжело дышала и постанывала. Я стал осыпать её тело, волосы поцелуями. От волос пахло чем-то сладковатым и пряным. Нежная шея, гладкие плечи, два бугорка груди, коричневые соски напряглись. Я заметил, что по её телу пробежала дрожь. Элиз поглаживала меня по спине, но вдруг вцепилась в неё ногтями, это мои поцелуи достигли плоского живота. Дальше было то, что раньше я считал запретным, дрожь снова пробежала по телу любимой, стоны стали громче, дыхание чаще. Моя плоть неистовствовала, я был готов ко всему, но что-то меня останавливало. Элиз своим телом сказала «да». Лёгкий пушок щекотал мои щёки, лицо. «Да, иди ко мне, любимый», – произнесла Элиз. Терпеть стало невозможно, когда её рука коснулась моей изнемогающей плоти. Следующие несколько минут были вычеркнуты из жизни. Мысли были далеко, остались только мы, наши тела, дыхание, стоны. Я пришёл в себя только, когда моя плоть извергла саму себя. Элиз издала продолжительный стон. Её руки отпустили, наконец, мою спину, тело обмякло.

Я был на седьмом небе от счастья. Позже стало приходиться осознание. Что же теперь будет? Я воспитан в строгих правилах, распутство не мой конёк. Да, в Европе я не ограничивал себя в удовольствиях, но там было другое. Я покупал любовь за деньги тех, кто готовы были вступить в эту финансовую сделку. Я никому ничего не обещал, о чувствах даже не шла речь. Близость же с Элиз показалась мне стыдной, распутной. Она обязывала меня сделать дальнейшие шаги. Не то, чтобы я был против, но как-то всё неожиданно.

Я обнял Элиз, поцеловал в румяную щёку. Кожа её была тёплой, нежной, слегка пахла молоком, мёдом и чем-то ещё необъяснимым. Она ровно и легко дышала, белая упругая грудь вздымалась. Луна упрямо светила в окно, как будто подглядывала за нами. Звёзды подмигивали и улыбались. Прежние мысли вдруг ушли, стало легко и спокойно. Моя рука скользнула вниз по телу Элиз. Казалось, она спала, но стало заметно, как напряглось тело, соски увеличились, затвердели, дыхание Элиз стало неровным. Я понял, что она готова принять меня снова. Я повторил прежний путь: губы, шея, плечи, соски, живот и мягкое пушистое лоно. Её руки обняли меня нежно, ласково, неторопливо, но вдруг неожиданным резким движением Элиз перевернула меня на спину и прижала к кровати. Её дыхание участилось, пальцы сжали то, что и так готово было сделать её счастливой. Я почти ушёл туда, откуда не хотел возвращаться никогда, тут Элиз, постанывая, помогла мне найти дорогу, своим лоном накрыв мою плоть. Она не дала мне сделать ничего, всё сделала сама. Наши души были где-то далеко, они летали между звезд, слившись в единое целое. Звёзды принимали нас, ласкали, освещали своим холодным светом. Полёт закончился взрывом, как будто космический красный гигант достиг своих максимальных размеров и, превратившись в чёрную дыру, поглотил нас.

Нас встретила холодная ночь, луна опять подсматривала, но звёзды уже не улыбались, а хохотали. Не знаю откуда, но вдруг меня оглушила мысль, что больше ничего не будет, это конец, я потеряю Элиз. Едва удалось справиться с собой, чтобы не закричать и не испугать девушку. Несколько минут мы лежали молча. В комнате стало чуть светлее. Ночь отступала. Рождался новый день, вселялись новые надежды.

– Спасибо за ночь, дорогой. Постарайся забыть, всё будет по-прежнему. Я люблю тебя. Спокойной ночи! – Элиз накинула на себя рубаху, взяла свечу и быстро удалилась.

Я не успел ответить, поблагодарить, остановить её, но неприятная мысль ушла. Я спокойно уснул. Парамон, ты меня прости, что я так подробно тебе это рассказываю. Это единственное светлое пятно в наших отношениях. Мне кажется, что если я чего-то упущу, не доскажу, то умру.

– Ничего, Кузьма, я понимаю. Говори дальше.

– Дальше было так. Следующие несколько дней мы встречались, как и прежде: также сидели в гостиной рядом, касаясь коленями. Только наши взгляды встречались чаще, и во сне я видел звёзды, луну и наши летящие души. Но так не могло больше продолжаться, меня влекло к ней, я хотел близости с ней постоянно. Можно было сойти с ума. Я решил поговорить с отцом. Вечером, зайдя в кабинет, я решительно подошёл к столу, где отец читал какую-то книгу:

– Папа, скажи, как ты отнесёшься к моему желанию жениться?

– Мальчик мой, неужели ты решился наконец-то?

– Что ты имеешь в виду?

– Я уже давно замечаю, что между тобой и Элиз что-то происходит. Это невозможно не заметить.

– Неужели? А я думал, что это только наш мир. Так что ты скажешь?

– Скажи, ты официально берешь моё благословение или просто интересуешься?

– Я не знаю, я хочу знать твоё мнение.

– Сынок, я не против, только надо иметь за душой что-то. Как ты семью будешь кормить? Образование ты получил, надо скопить что-то или дело какое-то в руки получить.

– Но у меня есть дело. Я толмачом подвигаюсь, ты же знаешь.

– Ну, вот и подвизайся пока, денег накопишь, тогда и женись.

Я понял, что отец прав, но все-таки решил поговорить с Элиз. Я очень боялся, что она откажет. Я оттягивал время для разговора, но тут подвернулся случай. Посыльный принёс письма от моего хозяина. Он срочно вызывал меня к себе. Нам предстояло длительное путешествие в Европу по очередным тайным делам. Поездка обещала продлиться несколько месяцев. Уезжать было жалко, но без этого нельзя. До отъезда надо было обязательно поговорить с Элиз, открыть ей планы, получить её согласие. Это придаст сил, будет воодушевлять меня вдали от дома.

Я улучил момент, когда мы с моей ненаглядной остались одни:

– Элиз, ты знаешь, я уезжаю.

– Да, знаю. Надолго?

– Не знаю, на несколько месяцев. Как получится.

– Я буду писать тебе.

– Элиз, скажи, ты меня будешь ждать? Я вернусь, мы поженимся. Я люблю тебя, я не могу без тебя, Элиз! Что ты молчишь?

– Езжай с Богом, дорогой. Я буду тебя ждать.

Дальше неинтересно. Я уехал. Быстро вернуться не получилось, наша миссия затянулась, мы объехали пол-Европы: Пруссию, Францию, Швецию, Польшу, Италию. Письма от Элиз действительно приходили регулярно, но дальше всё реже. Всё в письмах было хорошо, Элиз описывала жизнь дома, говорила о своих чувствах. Потом письма прекратились. Я объяснял это тем, что мы слишком часто перемещаемся, и письма за нами не успевают. Но однажды в

Кракове, где мы только остановились, я получил, наконец, письмо из дома. Правда, оно было от отца. Он что-то рассказывал в нём, вроде ничего особенного, но меня не покидало чувство тревоги. Я перечитал ещё раз, пытаюсь отыскать причину. Где-то вскользь отец писал, что мама приболела, но ничего страшного. Это вряд ли могло так сильно расстроить меня. Вдруг меня осенило: отец писал обо всех, о себе, маме, братишке, мсье, горничной Нюре, но ни слова об Элиз. Что случилось? Отец не мог забыть, почему же ничего о ней не пишет? Слава Богу, наша миссия заканчивалась, скоро мы покидали пределы Европы. Скорее бы уже!

Домой я мчался, не сходя лошадей. Последние несколько вёрст я ехал уже ночью, не хотел останавливаться. Уж, лучше быстрее домой, к родным, к Элиз. Я ужасно соскучился, всю дорогу представлял, как мы встретимся. Прямо завтра, не откладывая, обвенчаемся, и она на правах законной супруги переберется из своей девичьей спальни ко мне. Много картинок рисовалось в моей голове, только письмо отца не давало покоя. Мрачная мысль терзала мой мозг.

Я въехал во двор. Парадную дверь на ночь закрывали, а задняя могла быть открыта. Через нее я и вошёл в дом. Было тихо и темно. Пахло домашними пирогами, квашеной капустой и топлёным молоком. Запахи закружили голову. Дом, милый дом! В Европе было хорошо, красиво, вкусно, но такого дома там не было. Там были омары, устрицы, шоколад, но так не хватало простых маминых пирогов. Луна ярко освещала кухню, я снял заслонку с печи, напился молока, взял пирог, хотел закрыть заслонку, но не удержал, и она с грохотом рухнула на пол. Через пару минут на пороге возник силуэт отца, за ним в ночном колпаке стоял мсье. Пламя свечи колыхнулось, в руках мсье блеснуло топориче.

– Отец, мсье, это я, Кузьма.

Отец подошёл ближе, поднёс свечу, узнал меня:

– Сынок. Ты вернулся? Какое счастье!

В кухне возникло оживление, появилась Нюра. Она заохала, взмахнула руками:

– Господи, Матерь Божья, ирод, испужал. Думала, разбойники шалят. Да, положи уже топор, мусье, енто ж Кузьма, барин наш.

Во всей этой суете я не увидел маму и Элиз.

– Отец, а как мама, где Элиз?

Вдруг воцарилась тишина. Все будто восковые куклы замерли в разных позах. Отец сник, опустил глаза, спрятал суетливые руки.

– Отец, где мама, где Элиз, что случилось?

Нюра запричитала, начала вытирать рукавом нос, полезла в печь, начала собирать на стол.

– Сынок, сядь, – отец собрался с мыслями, – у нас случилось горе. Помнишь, я писал тебе, что мама приболела?

– Конечно, помню.

– Так вот, я врач, но природу хворобы распознать не смог. Два месяца мама болела, я помогал ей, чем мог, но вылечить не смог. Она умерла.

Мир перевернулся для меня:

– Она мучилась?

– Да, но недолго. Господь забрал её быстро.

– Когда это случилось?

– Скоро сороковины.

– А как Павлик, он знает?

– Знает, мы сказали ему, что Господу на небе нужны хорошие люди, поэтому он забрал нашу маму.

– И что, он поверил?

– Поверил, только возмутился, что нам тоже нужны хорошие люди, почему Господь у нас маму не попросил, а забрал Сам?

– Покушай, сынок, давай молочка налью. Картошечки погреть? Огурчик возьми. Вона хлеба краюшка, ломай, – суетилась Нюра.

– Мама, бедная мамочка! Я даже не успел с ней попрощаться, она не благословила меня на брак с Элиз. Кстати, где Элиз?

– Я здесь.

Только теперь я заметил, что в помещении появилась еще одна фигура. Она тихо стояла в неосвещенном углу. Нюра суетилась у стола, отец стоял лицом к окну, мсье держал топор за древко и не знал, куда его деть. Боль потери сменилась тёплой волной. Я кинулся в темноту, где едва проявлялся белый силуэт. Знакомый запах молока, меда и чего-то неуловимого указывали путь, но вдруг в нос ударил какой-то новый незнакомый запах, стало тревожно, в голове проскочила неприятная мысль:

– Элиз, любимая, как же я соскучился!

– Я тоже рада, что ты вернулся. Мы очень тебя ждали.

Я взял её за руку, хотел вывести из темноты ближе к свету, хотелось рассмотреть её лицо, вспомнить дорогие черты, но что-то чужое было в ней. Элиз отстранилась, обошла вокруг стола, обняла меня сзади, поцеловала в макушку. Я растерялся. Я совершенно не ожидал такой встречи. Нюра опять засуетилась у стола, в сотый раз уже переставляя посуду. Я вдруг почувствовал смертельную усталость.

– Спасибо, Нюра, я вот молочка попью – и спать. Я сутки с коня не слезал, просто с ног валюсь.

– И вправду, утро вечера мудренее, ночь на дворе. Пойду, постелю тебе, сынок, а ты приходи.

Нюра скоро вышла, за ней засеменял мсье. В комнате остались мы втроём: я, Элиз и отец. Мы молча сидели за столом. Догорала свеча. Пауза затягивалась. Я не знал, что происходит, но чувствовал себя немного странно в своём родном доме. Первым тишину нарушил отец:

– Сынок, мы очень тебя ждали. Даже Павлик пытался писать тебе письма, правда, без адреса. А маму, извини, не уберегли.

– Спокойной ночи, – Элиз подошла и поцеловала меня в щёку. Правда, это был не тот страстный поцелуй в саду, а, скорее, дружеский, какой-то официальный.

Элиз вышла, я проводил её взглядом. «Наверное, она отвыкла от меня, – подумал я, – но ничего, начнём всё сначала».

– Отец, я так рад вас всех видеть. Я так стремился домой, но я совсем не ожидал таких новостей.

– Что делать, сынок, это жизнь. Мы часто не ожидаем тех испытаний, что посылает Господь, но всё это нам во благо.

– Отец, что происходит? Почему Элиз как чужая? Она обещала меня ждать.

Отец изменился в лице, его руки чуть задрожали:

– Пойдём спать, сынок. У нас ещё будет время наговориться.

Реакция отца мне не понравилась. «Что же всё-таки происходит? Неужели Элиз разлюбила меня?» Но, как оказалось, истинную суть произошедшего я не представлял даже в самом страшном сне.

В спальне Нюра заканчивала стелить постель.

– Нюра, хоть ты мне объясни, что происходит. Что с Элиз? Почему отец не хочет об этом говорить?

– Ложись спать, Кузенька. Ты устал. Не думай сейчас ни о чём. Утро вечера мудренее.

– Да что вы все «спать» да «спать». Я, что, усну теперь? Давай рассказывай, я же вижу, что что-то происходит.

– Сынок, я тебе ничего сказать не могу. Это не моя тайна. Смотри внимательно. Сам всё увидишь.

– Господи, спаси! Что же это такое?

– Спокойной ночи, сынок! Спи, отдыхай.

Нюра тихо вышла, в дверях обернулась, перекрестила комнату.

– Господи, спаси и сохрани, – то ли выдохнула, то ли прошептала женщина.

Я долго не мог уснуть. Сон не шёл ко мне никак. Нестерпимо хотелось увидеть Элиз, смотреть ей в глаза, вдыхать запах волос. Очень странно она меня встретила, совсем не так, как я ожидал. Что-то скрывает отец, тревожится Нюра. Так неожиданно умерла мама, любимая, родная. Тяжело встретил меня дом, в котором всегда было тепло, уютно, радостно. Я так стремился сюда, ведь здесь ждала меня любовь. В томлениях и страданиях пролетел остаток ночи. Я встретил рассвет нового дня и не знал, радоваться этому или нет. Нового дня я боялся. Что он ещё принесёт неожиданного?

Описывать события следующего дня нет смысла. Ничего особенного не произошло, если не считать того, что Элиз избегала меня, старалась не попадаться мне на глаза, не оставаться наедине.

Вот снова настала ночь. Чувства обострились необыкновенно. Было непонятно, что происходит, напряжение витало в воздухе. Я понял, что надо объясниться с Элиз, иначе – смерть. Когда в доме всё стихло, я выбрался из комнаты. Покои Элиз были совсем рядом. В коридоре я остановился, глаза привыкали к темноте. Тишину нарушил шёпот, тихий смех и звонкий поцелуй. «Где это? – подумал я. – Отец! Это его комната». Что-то неведомое происходило на моих глазах. Это был мой отец, но с кем? Вдруг меня бросило в жар, ноги подкосились. Он мог быть только с одной женщиной, с Элиз. «О, я несчастный!» Я хотел кинуться вперед, но ноги были ватные, спина приросла к стене. Я так и остался стоять тихо, почти не дыша, пока парочка не разошлась по комнатам.

Эти мгновения показались мне целой вечностью, хотя на самом деле прошло всего несколько минут. Ситуация изменилась в корне, надо было что-то решать. О чём теперь говорить и говорить ли вообще? Силы покинули меня, всё, на что я надеялся, в один миг рухнуло, все мечты погибли. Меня предали, предали самые близкие люди. Как теперь жить? На что надеяться? Кому доверять? Добредя до кровати, я зашёлся в рыданиях. Никогда еще мне не было так плохо, остро возникло чувство одиночества. Как теперь не хватает мамы. «Отец! Отец! Как же ты так мог со мной поступить? Элиз, Господи, я же любил тебя больше жизни, я люблю тебя. Я приехал, заработал нам на свадьбу денег, мы мечтали с тобой вместе, строили планы. Как же так? Как ты могла?» Рыдания прерывались стонами и опять сменялись рыданиями.

Утром мы объяснились. Я получил очередной удар, узнав, что моя любимая ждёт ребёнка, моего будущего брата. Жизнь закончилась для меня. Меня предали два любимых человека. Моя драгоценная матушка умерла, узнав про связь отца с Элиз. Её сердце не выдержало, она покинула этот мир.

Вот так. Теперь я здесь уже два года.

– Да, брат. Теперь я понимаю, что ты чувствуешь, когда говоришь о женщинах.

– Ладно, заболтал я тебя, но спасибо, что выслушал. Ты первый, кому я всё это рассказал.

Видно, так накипело. Давай твою проблему решать.

– Давай. Что будем делать?

– Ты, вроде, хотел почту разнести?

– Ну, да, хотел.

– Держи письмо. Там в углу картуз почтовой, одевай и иди по адресу.

Парамон Синица поблагодарил Кузьму, который стал как-то очень симпатичен ему, вышел из почты и отправился на свидание с означенной особой.

Парамон пока не знал, как будет действовать, нужно было присмотреться, изучить эту женщину. Но как к ней попасть? Сколько времени на это уйдёт? Времени не было, всё должно

было закончиться самое позднее через три дня. Подпоручик отправился по адресу, постоять, осмотреться, может, повезёт и удастся познакомиться с Ольгой.

Глава 8

Особняк на улице Святого Георгия, в котором жила Ольга, выглядел очень мило. Он был небольшой, но внешне не смотрелся ущербно. Казалось, он как платье подходил по размеру хрупкой женщине. Розовый с жёлтым, дом как будто имел женское лицо: глаза, нос, губы. Дом улыбался и, словно, манил к себе. Вокруг зеленела листва. Открылась дверь, в палисадник выпорхнула изящная женская фигурка и направилась к воротам, ведущим на улицу.

Вот она эта женщина! У Парамона сжалось сердце. Почему-то сразу он почувствовал, как её энергетика волнами настигла и окутала его. «Она своя. Мы могли бы быть вместе!» Что-то родное, отдалённо притягательное было в этой женщине. Она не была прекрасна, скорее по-женски привлекательна, но даже не это пленило бывшего разведчика. Синица на своём веку повидал врагов и знал, кто, на самом деле, по ту сторону, а кто по эту. Ольга не была врагом, это он почувствовал сразу. Но, тем не менее, нужно было выполнять задание, а заодно и прощупать ситуацию. Первым делом, вступить в контакт. Просто так, на улице, это сделать невозможно, очень уж по-разному они выглядели. Значит нужно придумать что-то другое... «Думай, Парамон, думай!»

Ольга, тем временем, решительно удалялась от дома. В другой ситуации можно было бы не спеша проследить за женщиной, «поводить», как говорят профессионалы, но у Парамона были достаточно сжатые сроки. «Нужно предпринять что-то, перед чем не устоит ни одна женщина. Нужен подвиг в её честь, женщины – существа благодарные. Но где же взять подвиг среди бела дня в спокойном, тихом городе?» Пока Парамон мучился этими раздумьями, ответ не заставил себя долго ждать. В сторону Ольги по улице трусила бричка, судя по монотонному движению, кучер мирно дремал. Парамон знал, как заставить лошадь встать на дыбы и напугать любого, кто окажется рядом. Быстро перебежав улицу, Синица поравнялся с лошадей и приготовился сделать неуловимое движение, которое заставило бы лошадь возмутиться. Вот уже до женщины несколько метров, лошадь опасливо косилась на незнакомца и недовольно пофыркивала. Расстояние сокращалось. Вот сейчас, ещё несколько секунд. Главное – правильно угадать момент, лошадь должна быть в самой ближайшей точке к жертве, чтобы та оказалась как бы под крупом вставшей на дыбы лошади. Парамон знал это состояние, так как ему приходилось бывать в этой передрыге. Данная ситуация осложнялась лишь тем, что он должен был успеть вытащить женщину, пока кобыла не нанесла ей увечий. Конечно, риск был, но иного случая отличиться перед Ольгой юноша не видел. Волнение нарастало, остались метры, секунды. Вдруг... Парамон даже не понял, что произошло: Ольга вскрикнула, оступившись, неуклюже взмахнула руками и упала. Не успев понять, что же могло случиться, Парамон бросился к женщине:

– Что с Вами, сударыня? Чем я могу Вам помочь? – торопливо подбегая, спросил подпоручик.

– Нога... моя нога. Больно.

– Давайте попробуем встать, держитесь, – Парамон подал Ольге руку. Та попыталась встать, но снова вскрикнула.

– Подвернула, наверное, не могу наступить.

– Лекаря надо бы. Вы далеко живёте? Давайте-ка я Вас провожу.

– Как раз недалеко. Вон мой дом. Я только вышла.

– Ну, держитесь за меня, сейчас быстренько дойдём.

– Спасибо Вам, молодой человек! Мне Вас сам Господь послал. Если бы не Вы, так и лежала бы бедная женщина одна на дороге, – с некоторой игривостью произнесла Ольга.

Парамону показалось, что она метнула в его сторону какой-то особенный взгляд. «Ну, может, показалось?» Пока же, неспешно двигаясь в сторону Ольгиного особняка, Парамон соображал, как лучше поступить дальше. Если довести Ольгу до дома и отдать письмо, то на этом всё и закончится, так как эта шикарная женщина не захочет продолжать знакомство с простым почтарём. Выгоднее представиться простым прохожим. Правда, одет он небогато, даже, лучше сказать, бедно, но это можно хоть как-то попытаться объяснить. «Решено. Письмо подождёт».

Тем временем, пара дошла до ворот особняка. Дошла – это, конечно, преувеличено сказано, наступить на ногу Ольга не могла совсем, поэтому практически висела на молодом человеке, а он мужественно, но трепетно сопровождал свою спутницу. Надо сказать, что даже в этой, не самой удачной для флирта ситуации, Ольга продолжала оставаться женщиной. Она прекрасно чувствовала молодое сильное тело мужчины рядом и это ей нравилось. Только было что-то не так в этом молодом человеке. «Кто он? Откуда появился?» Выходя из дома, Ольга осмотрелась и никого рядом не увидела, это она помнила точно. Не успела отойти, как ощутила острое чувство тревоги, причём рядом не было ничего такого, что могло породить эту тревогу. Чувство взялось ниоткуда, но продолжало нарастать. Вдруг сознание её помутилось, на долю секунды Ольга потеряла контроль над собой, оступилась, и, вот... подвернула ногу. И тут вдруг он. «Откуда он взялся? Правда, рядом проехала бричка, но вряд ли этот бедно одетый мужчина пользовался услугами кучера, хотя... кто знает?» Жизнь показала ей много такого, что не укладывалось в логические схемы. И всё же, что не так было с этим парнем?

– Как Вас зовут, мой спаситель?

– Парамон, – решил не скрывать своего настоящего имени Синица.

– Парамон, очень приятно, а я Ольга. Парамон, не могли бы Вы оказать мне ещё одну услугу, если Вас не затруднит, конечно?

– С огромным удовольствием сделаю всё, о чём Вы попросите.

– Прямо-таки и всё? – засмеялась Ольга.

– Точно всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.